
МОНГОЛЬСКОЙ
НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКЕ
ПЯТЬДЕСЯТ
ЛЕТ !
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 48 НОЯБРЬ 1974

ДОРОГИЕ НАШИ СОВЕТСКИЕ ДРУЗЬЯ — МНОГОМИЛЛИОННЫЕ ЧИТАТЕЛИ «ОГОНЬКА»!

В НОЯБРЕ — БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК НА МОНГОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ — 50-ЛЕТИЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И ИСТОРИЧЕСКОГО III СЪЕЗДА МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ, ОПРЕДЕЛИВШЕГО КУРС НА НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НАШЕЙ СТРАНЫ.

ВЫСШИЙ ОРГАН ВЛАСТИ — ПЕРВЫЙ ВЕЛИКИЙ НАРОДНЫЙ ХУРАЛ, СОСТОЯВШИЙСЯ В НОЯБРЕ 1924 ГОДА, УТВЕРДИВ ПЕРВУЮ В ИСТОРИИ СТРАНЫ КОНСТИТУЦИЮ, ЗАКОНОДАТЕЛЬНО ЗАКРЕПИЛ В НЕЙ ЗАВОЕВАНИЯ РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРЕД ВСЕМ МИРОМ ТОРЖЕСТВЕННО ПРОВОЗГЛАСИЛ МОНГОЛИЮ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ.

ЕЩЕ В НОЯБРЕ 1921 ГОДА ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН, ПРИНИМАВШИЙ В КРЕМЛЕВСКОМ КАБИНЕТЕ СУХЭ-БАТОРА И ДРУГИХ ЧЛЕНОВ МОНГОЛЬСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ, РАЗВЕРНУЛ ПЕРЕД НИМИ ПЕРСПЕКТИВУ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА ОТСТАЛОЙ МОНГОЛИИ И ПРЕДСКАЗАЛ ВОЗМОЖНОСТЬ СОВЕРШЕНИЯ ЕЮ ИСТОРИЧЕСКОГО СКАЧКА В СОЦИАЛИЗМ, МИНУЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКУЮ СТАДИЮ РАЗВИТИЯ. ЭТО ЛЕНИНСКОЕ ПРЕДНАЧЕРТАНИЕ УСПЕШНО ВОПЛОЩЕНО В ЖИЗНЬ САМООТВЕРЖЕННЫМ ТРУДОМ НАШЕГО НАРОДА. В ЭТИ РАДОСТНЫЕ ДНИ С БОЛЬШОЙ УБЕДИТЕЛЬНОСТЬЮ МОЖНО УВИДЕТЬ НАГЛЯДНЫЕ ПРИМЕРЫ ПЛОДОТВОРНОСТИ ЭТОГО ПРЫЖКА ЧЕРЕЗ ВЕКА, СОВЕРШЕННОГО МОНГОЛИЕЙ.

ПОЛВЕКА! СРОК В ИСТОРИИ НЕ ОЧЕНЬ БОЛЬШОЙ, НО В СУДЬБАХ МОНГОЛЬСКОГО НАРОДА ЗА ЭТО ВРЕМЯ ПРОИЗОШЛИ ПОИСТИНЕ ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ. НЕТ БОЛЬШЕ ФЕОДАЛЬНО-ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ МОНГОЛИИ. НЕТ БОЛЬШЕ ТЕМНОГО ЦАРСТВА КНЯЗЕЙ И ЛАМ. ВСЕ ЭТО ДАВНО ИСЧЕЗЛО И УШЛО В ПРОШЛОЕ. НА ИХ МЕСТЕ ВЫРОСЛА И СЛОЖИЛАСЬ НОВАЯ, СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ МОНГОЛИЯ.

ЧУДО, СОВЕРШЕННОЕ В ЖИЗНИ ТРУДОВОГО МОНГОЛЬСКОГО НАРОДА, ОБЪЯСНЯЕТСЯ В РЕШАЮЩЕЙ МЕРЕ ДЕЙСТВИЕМ РОЖДЕННОЙ СОЦИАЛИЗМОМ ОСОБОЙ ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕЙ СИЛЫ — ЧИСТОСЕРДЕЧНОЙ БРАТСКОЙ ДРУЖБЫ МОНГОЛЬСКОГО И СОВЕТСКОГО НАРОДОВ.

БОРЬБА ЗА ОБЩИЕ ЦЕЛИ, СОВМЕСТНО ПЕРЕЖИТЫЕ ИСПЫТАНИЯ СБЛИЗИЛИ НАШИ НАРОДЫ, НАШИ ПАРТИИ, ПОРОДНИЛИ ИХ И СДЕЛАЛИ ПОДЛИННЫМИ БРАТЬЯМИ. ИСТОРИЯ БРАТСКОЙ ДРУЖБЫ НАШИХ НАРОДОВ — ЭТО СОВМЕСТНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ РЕАКЦИОННЫХ СИЛ ИМПЕРИАЛИЗМА И МИЛИТАРИЗМА, ДРУЖНЫЙ И ВДОХНОВЕННЫЙ ТРУД ПО ПРЕОБРАЗОВАНИЮ ОБЛИКА СТРАНЫ, СОЗДАНИЮ НОВОГО ОБЩЕСТВА.

ТРУДЯЩИЕСЯ МОНГОЛИИ ВЫСОКО ЦЕНЯТ БЛАГОРОДСТВО СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ, НЕ ЗАДУМЫВАЯСЬ, ВСЕГДА ПРИХОДИЛИ НАМ НА ПОМОЩЬ, ДЕЛИЛИ И ДЕЛЯТ С НАМИ ВСЕ ТРУДНОСТИ И НЕВЗГОДЫ. ЛУЧШИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ СОВЕТСКОГО НАРОДА, НЕ ЩАДЯ СВОЕЙ КРОВИ И САМОЙ ЖИЗНИ, С БЕЗЗАВЕТНОЙ ХРАБРОСТЬЮ ДРАЛИСЬ С ВРАГАМИ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ ЗА СЧАСТЬЕ И СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ МОНГОЛЬСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ. ПОИСТИНЕ НЕИЗМЕРИМЫ И НЕОЦЕНИМЫ БЛАГОРОДНЫЕ ДЕЯНИЯ ПОСЛАНЦЕВ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ В ВОЗРОЖДЕНИИ И ПРОГРЕССИВНОМ РАЗВИТИИ НАШЕЙ РОДИНЫ.

ДОРОГИЕ СОВЕТСКИЕ БРАТЬЯ И СЕСТРЫ! ПОЛЬЗУЯСЬ ЭТИМ СЧАСТЛИВЫМ ПОВОДОМ, МЫ ВЫРАЖАЕМ НАШИ ИСКРЕННИЕ ЧУВСТВА БЕЗГРАНИЧНОЙ ЛЮБВИ И ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ НАРОДАМ ВЕЛИКОГО СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ЕГО СЛАВНОЙ ЛЕНИНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЗА ВСЕСТОРОННЮЮ ПОМОЩЬ И ПОДДЕРЖКУ, ЗА ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ И ОТ ВСЕЙ ДУШИ ЖЕЛАЕМ НОВЫХ БЛЕСТЯЩИХ УСПЕХОВ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ КОММУНИЗМА, В БОРЬБЕ ЗА УКРЕПЛЕНИЕ ВСЕОБЩЕГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ НАРОДОВ.

ВМЕСТЕ СО СВОИМИ СОВЕТСКИМИ ДРУЗЬЯМИ МЫ ОТСТАИВАЛИ НАРОДНУЮ ВЛАСТЬ, ВМЕСТЕ СТРОИЛИ И СТРОИМ НОВУЮ ЖИЗНЬ, ВМЕСТЕ БЫЛИ И БУДЕМ НА ВЕЧНЫЕ ВРЕМЕНА. МЫ ГЛУБОКО УВЕРЕНЫ В ТОМ, ЧТО ЭТОМУ БЛАГОРОДНОМУ ДЕЛУ БУДЕТ СЛУЖИТЬ ВИЗИТ В МНР ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА, БОЛЬШОГО И ВЕРНОГО ДРУГА МОНГОЛЬСКОГО НАРОДА. НЕПРЕОБОРИМАЯ СИЛА И ВЕЛИЧИЕ БОЕВОГО СОЮЗА НАШИХ ПАРТИЙ И НАРОДОВ СОСТОЯТ В ИХ НЕРАЗРЫВНОМ ЕДИНСТВЕ ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА.

БОЛЬШОЕ, ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ СПАСИБО ВАМ, СОВЕТСКИМ ЛЮДЯМ, ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЯМ СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА.

ЮМЖАГИЙН ЦЕДЕНБАЛ,
ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРЕЗИДИУМА ВЕЛИКОГО НАРОДНОГО
ХУРАЛА МНР

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Первый секретарь ЦК Монгольской народно-революционной партии Ю. Цеденбал (7 ноября 1967).

Фото С. Гурария

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 48 (2473)

23 НОЯБРЯ 1974

Монгольский народ, как богатырь, перешагнул через целую общественную формацию — капитализм. Это — поистине исторический подвиг, которым вместе с вами гордятся все советские люди, все ваши друзья во всем мире.

Л. И. БРЕЖНЕВ.

ДРУЖЕСКИЙ ВИ

18 ноября в Москву по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с дружеским деловым визитом прибыл шахиншах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви.

На Внуковском аэродроме высокого гостя встречали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и другие официальные лица.

18 ноября в Кремле начались переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и шахиншахом Ирана Мохаммедом Реза Пехлеви.

В ходе переговоров, проходивших в дружественной и деловой обстановке, были обстоятельно рассмотрены состояние и перспективы развития советско-иранского сотрудничества в различных областях. Большое внимание стороны уделили возможностям углубления взаимовыгодного экономического сотрудничества, расширению торговых и научно-технических связей.

Состоялся также обмен мнениями по ряду актуальных международных проблем, представляющих взаимный интерес. Обсуждались вопросы, связанные с задачами дальнейшего оздоровления политического климата в мире, распространения процесса разрядки на районы Ближнего и Среднего Востока.

Советско-иранские переговоры.

СОБЫТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ

13 ноября делегаты, подъезжая к зданию ООН, где проходит XXIX сессия Генеральной Ассамблеи, могли увидеть необычную картину. Сотни полицейских, конных и пеших, снайперы на крышах домов вокруг штаб-квартиры ООН, вертолеты, парящие в небе, катера, охраняющие здание ООН со стороны Ист-Ривер.

В этот день Генеральная Ассамблея ООН должна была приступить к обсуждению вопроса о Палестине, занимающего одно из ключевых мест в комплексе политического урегулирования на Ближнем Востоке. Впервые для участия в дебатах по этой проблеме была приглашена делегация Организации освобождения Палестины во главе с председателем исполкома ООП Я. Арафатом.

Чрезвычайные меры безопасности были приняты в связи с угрозами сионистов совершить покушение на жизнь Я. Арафата и их попытками организовать кампанию ненависти против членов палестинской делегации. Однако все происки сионистских кругов были безуспешны. Им не удалось запугать посланцев Палестины.

Как и было намечено, первым на заседании выступил Я. Арафат, который призвал ООН помочь палестинскому народу в его национально-освободительной борьбе. Он обратился также с призывом дать арабскому народу Палестины возможность осуществить свое право на национальную независимость и суверенитет. Палестинский народ, подчеркнул Я. Арафат, борется за возвращение в родные места. Палестинцы пытались добиться восстановления своих попранных национальных прав

ЗИТ

Фото А. Гостева.

политическими методами, но в условиях террора со стороны сионистов им пришлось прибегнуть к вооруженной борьбе, сказал оратор. Он тепло поблагодарил всех тех, кто встал на сторону палестинского народа, и прежде всего социалистические государства, арабские, африканские и другие неприсоединившиеся страны.

Обсуждение палестинского вопроса в ООН стало событием большого международного значения. Оно приобрело характер подлинного суда над израильскими агрессорами, демонстрации широкой международной солидарности со справедливой борьбой арабского народа Палестины за свое право на самоопределение.

Однако руководители Израиля, не считаясь с международным общественным мнением, отвергают любые переговоры с ООП, все более накаляют обстановку на Ближнем Востоке. Они призвали под ружье около двух третей резервистов, разжигают военную истерию против соседних арабских государств.

Советский Союз внимательно следит за развитием обстановки на Ближнем Востоке. Его позиция неизменна: для достижения мира необходимо прежде всего добиться вывода израильских войск со всех захваченных ими в 1967 году арабских земель и обеспечения законных национальных прав арабского народа Палестины.

Ю. СВЕРДЛОВ

На снимке: Я. Арафат приветствует делегатов сессии.

Телефото ЮПИ — ТАСС.

НА БЛАГО ВСЕХ НАРОДОВ

Владимир **НИКОЛАЕВ**

22 июня прошлого года мне посчастливилось присутствовать при историческом событии: в Вашингтоне, в Восточном зале Белого дома, было подписано Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны. Произошло событие поистине эпохальное, какого не знала современная история дипломатии. Поэтому и вспыхнула в зале овация, а не обычные вежливые аплодисменты, положенные по протоколу. Как только она утихла, Л. И. Брежнев сердечно поблагодарил собравшихся за такое убедительное выражение поддержки этого великого акта. Один из крупнейших политических деятелей США, сенатор Майкл Мэнсфилд, заявил тогда: «Я считаю, что это великий документ. Мы присутствовали при событии огромной исторической важности. Я восхищен тем, что наконец-то мы делаем то, что следовало бы сделать еще много лет назад».

Да, это все произошло именно 22 июня! Совпадение, конечно, случайное, но символичное. В этот день началась Великая Отечественная война, в ходе которой наша страна спасла мир от угрозы фашистского порабощения. Тридцать два года спустя, скрепив своей подписью Соглашение о предотвращении ядерной войны, наша страна предложила верный путь к избавлению человечества от висящего над ним ядерного дамоклова меча.

Это соглашение — одно из заключенных между СССР и США в результате трех советско-американских встреч на высшем уровне. Действительность ярко подтверждает жизненность и действенность этих соглашений.

В Соединенных Штатах я встречался с космонавтами, учеными, бизнесменами, активно участвующими в реализации достигнутых договоренностей. Наши специалисты совместно с американскими работают в том же направлении.

Близится первый советско-американский космический полет. Его будущие участники Томас Стаффорд и Дональд Слейтон рассказывали мне на русском языке, который они уже вполне освоили, о подготовке к полету. Это было в Хьюстоне, американском космическом центре, а через несколько месяцев я уже встречал астронавтов из США в Москве в окружении наших космонавтов.

Так же продуктивно работают медики обеих стран, они ведут наступление на сердечно-сосудистые и раковые заболевания, то есть плечом к плечу трудятся на самых важных направлениях современной медицины.

Ученые обеих стран сообща решают проблему защиты окружающей среды.

Только перечень научных и технических вопросов, над которыми вместе работают советские и американские специалисты, занял бы немало страниц. Это энергетика, электроника, физика твердого тела, физика высоких энергий, радиоастрономия, лазерная техника, химия полимеров и многое-многое другое — от человеческого сердца до энергии атома.

С каждым годом расширяется экономическое сотрудничество между СССР и США. И все это делается не только в интересах наших обоих народов, но и на благо всех народов мира, во имя дальнейшей разрядки международной напряженности.

Дальнейшее улучшение советско-американских отношений способствует углублению процесса разрядки во всем мире. Вот почему предстоящая встреча между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и президентом США Дж. Фордом находится в центре внимания международной общественности. Выступая на пресс-конференции в Вашингтоне, государственный секретарь США Г. Киссинджер заявил, что предстоящая встреча на высшем уровне отражает необходимость поддержания частых контактов между руководителями двух держав, необходимость, которая приобрела особо важный характер после смены правительства в Соединенных Штатах. Коснувшись вопроса об ограничении стратегических вооружений, государственный секретарь заявил, что, как считают в США, во время недавних бесед с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в Москве был достигнут прогресс. «Мы полагаем, что этот прогресс может быть продолжен во Владивостоке».

Президент США Дж. Форд на своей пресс-конференции отметил, что Соединенные Штаты «имеют хорошие отношения и соглашения» с СССР. Мы стремимся к расширению разрядки в отношениях между СССР и США, подчеркнул Дж. Форд. Он выразил надежду, что удастся «заложить более широкую основу для второй фазы переговоров об ограничении стратегических вооружений».

Последовательно и неуклонно осуществляя ленинские принципы мирного сосуществования, претворяя в жизнь Программу мира, выдвинутую на XXIV съезде КПСС, Советский Союз уделяет большое внимание улучшению отношений с США. В то же время, характеризуя развитие советско-американских отношений, Л. И. Брежнев говорил: «Строя совместными усилиями новое здание мирных отношений, мы отнюдь не собираемся превращать его в уединенный особняк, отгороженный от внешнего мира глухим забором. Мы хотим, чтобы это просторное здание было открыто для всех, кому дороги мир и благополучие людей».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Орден Октябрьской Революции на знамени Туркменистана.

СЧАСТЬЕ СОЛНЕЧ

В праздничной колонне.

В зале торжественного заседания, посвященного 50-летию образования Туркменской ССР и создания Компартии Туркменистана.

НОЙ ЗЕМЛИ

Вячеслав КОСТЫРЯ,
фото В. СВАРИЧЕВСКОГО,
специальные
корреспонденты «Огонька»

Солнце на знаменах и транспарантах с трудовыми рапортами, на орденах и медалях хлопкоробов, машиностроителей, нефтяников, деятелей науки и культуры. Солнце на лицах, солнце в сердцах. Оно словно задалось целью высветить во всех деталях праздничное убранство городов, сел и аулов, украшенных в честь 50-летия образования Туркменской Советской Социалистической Республики и создания Компартии Туркменистана.

Плечом к плечу с братскими народами страны, в атмосфере сердечной дружбы и деловой взаимопомощи туркменский народ, как и другие народы Советского Востока, всего за полвека прошел славный путь от нищеты и отсталости к вершинам прогресса.

Трудящиеся Туркменистана и других республик совсем недавно разделили радость с трудящимися Молдавии, Узбекистана, Киргизии, отмечавшими пятидесятилетие своих республик и коммунистических партий. А в середине ноября сюда, в Ашхабад, начали съезжаться гости из Москвы, Ленинграда, из всех союзных республик на золотой юбилей Советского Туркменистана.

Для участия в торжествах в Ашхабад прибыл член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ А. П. Кириленко.

...15 ноября, десять часов утра. Ашхабадский Дом политического просвещения украшен флагами Союза ССР и братских республик. В зале — члены ЦК Компартии Туркменистана, депутаты Верховного Совета Туркменской ССР, руководители партийных, советских и общественных организаций, прославленные хлопкоробы, животноводы, рабочие промышленных предприятий, представители интеллигенции, воины Советской Армии, делегации, прибывшие на торжества. Они бурными аплодисментами встречают А. П. Кириленко, президиум торжественного заседания, которое открывает первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана М. Г. Гапуров.

Слово предоставляется члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС товарищу А. П. Кириленко. Поздравляя от имени Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР участников торжественного заседания и всех трудящихся Туркменистана с золотым юбилеем, он сказал:

С большой радостью передаю всем гражданам республики сердечные поздравления и добрые пожелания от Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева, который хранит теплые воспоминания о своем пребывании в Туркмении и питает глубокое уважение к трудолюбивому и талантливому туркменскому народу.

В своей яркой речи А. П. Кириленко отметил исторические вехи становления и развития Советского Туркменистана. Экономика республики — это теперь индустриально-аграрный комплекс, сочетающий в себе многоотраслевую промышленность, крупное механизированное колхозно-совхозное производство.

В конце речи товарищ А. П. Кириленко зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Туркменской ССР третьим орденом — орденом Октябрьской Революции и под бурные аплодисменты участников торжественного заседания прикрепил орден к знамени республики.

С докладом выступил первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана товарищ М. Г. Гапуров. Затем с приветствиями выступили руководители делегаций, прибывших на торжества.

С большим подъемом принимается приветственное письмо участников торжественного заседания Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Совету Министров СССР.

В десять часов утра 16 ноября в Ашхабаде, на проспекте Свободы, начался парад частей Ашхабадского гарнизона. Когда парад окончился, перед трибунами состоялось театрализованное представление, символизирующее этапы развития Советского Туркменистана за пятьдесят лет. Потом на проспект Свободы хлынул бесконечный поток демонстрантов. Всеми цветами радуги сверкало праздничное убранство колонн, алели знамена и транспаранты со словами благодарности Коммунистической партии, Советскому правительству.

Ж. БАТМУНХ,
Председатель Совета Министров Монгольской Народной Республики

ТОРЖЕС

В эти дни монгольский народ в атмосфере большого политического и трудового подъема встречает полувековой юбилей исторического III съезда МНРП и 50-летие провозглашения Монгольской Народной Республики. Эти знаменательные даты, связанные с историей нашей славной партии и народного государства, являются в то же время торжеством дружбы и братских отношений МНРП и КПСС, народов Монголии и Советского Союза.

В их основе лежат заложенные В. И. Лениным и Д. Сухэ-Батором принципы пролетарского интернационализма, подлинного братства и взаимной помощи. Отношения наших партий и государств, охватывающие все сферы экономического, политического и культурного сотрудничества, положили начало качественно новому типу международных отношений. Братский союз между МНР и Советским Союзом стал прообразом нового мира великого содружества социалистических стран.

Первым межправительственным актом, оформившим равноправные отношения наших народов, явилось соглашение между народным правительством Монголии и правительством РСФСР об установлении дружественных отношений. Оно было заключено в Москве 5 ноября 1921 года. Это соглашение, ознаменовавшее начало осуществления ленинских идей о возможностях перехода ранее отсталых стран к социализму, минуя капитализм, при помощи страны победившего пролетариата, легло в основу дальнейшего углубления и расширения всестороннего монголо-советского сотрудничества.

В нашей стране нет ни одной области народного хозяйства, в которой не ощущались бы бескорыстная братская помощь и поддержка великого советского народа. Возникновение и развитие таких ведущих отраслей нашей экономики, как добывающая и перерабатывающая промышленность, современные виды транспорта и связи, капитальное строительство, есть прямой результат помощи Советского Союза.

Каждый год в МНР вводится в действие много промышленных, сельскохозяйственных, культурно-бытовых и других объектов, сооруженных при технико-экономической помощи Советского Союза. В их числе теплоэлектростанции и высоковольтные линии электропередач, угольные шахты и разрезы, авторемонтные заводы и леспромхозы, деревообрабатывающие и домостроительные комбинаты, горнодобывающие предприятия, предприятия легкой промышленности и молочный завод. Построены целые жилые районы, школы, поликлиники, коммунально-бытовые учреждения в Улан-Баторе и других городах и населенных пунктах страны.

Очень многое сделано для укрепления материально-технической базы сельского хозяйства. Созданы крупные механизированные высокопродуктивные хозяйства, предприятия по ремонту сельскохозяйственной техники, кормовые станции и комбикормовые заводы. Строятся

ДЕЛОВОЕ СОТ

У входа в здание советско-американского торгово-экономического совета.

Советско-американский торгово-экономический совет — организация, где советские и американские специалисты работают под одной крышей на взаимное благо своих народов. Предложение о создании такого эффективного рабочего органа исходило от советской стороны. Советский Союз уже имел положительный опыт аналогичного сотрудничества с Францией, Италией, Финляндией и другими странами. Наиболее дальновидные представители американских деловых кругов и правительственного аппарата оценили по достоинству это предложение. Реальный фундамент для создания Совета был заложен во время визита Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева в США.

Рассказывая об этом сейчас, старший вице-президент Совета, руководитель его московского отделения (Совет имеет одно отделение в Москве, другое — в Нью-Йорке) Джон Коннор говорит:

«Наша организация необходима как средство налаживания контактов для выполнения поставленных задач. В чем наша цель? Прежде всего, предоставить возможность общения руководителям советской и американской торговли и промышленности и расширять это общение. Благодаря содействию советских и американских сотрудников Совета сейчас устанавливаются, например, тесные деловые отношения между Министерством целлюлозно-бумажной промышленности СССР и американской фирмой «Интернейшнл пейпер», между фирмой «Вестингауз» и советскими партнерами. Недавно приезжал мой отец, продолжает

ТВО ДРУЖБЫ

теплые помещения для зимовки скота, ведутся работы по водоснабжению обширных пастбищ.

Неоценимое значение имеет помощь Советского Союза в подготовке национальных кадров. Большая часть специалистов и квалифицированных рабочих различных отраслей народного хозяйства нашей страны была подготовлена в советских вузах, средних специальных учебных заведениях и профтехучилищах. Высококвалифицированные советские специалисты и рабочие принимают непосредственное участие в социалистическом строительстве в МНР, передавая свой богатый опыт и знания монгольским друзьям.

Подписание в январе 1966 года во время визита в МНР партийно-правительственной делегации СССР во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым нового Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи открыло дальнейшие возможности для укрепления традиционной дружбы, всестороннего тесного сотрудничества наших двух братских стран.

Во время визита в СССР партийно-правительственной делегации МНР во главе с товарищем Ю. Цеденбалом в октябре 1970 года состоялись переговоры по вопросам экономического сотрудничества.

Ныне сотрудничество между нашими странами развивается на основе этих соглашений и переговоров, принципиальных положений Комплексной программы социалистической экономической интеграции.

Развиваются такие формы, как координация долгосрочных пятилетних и годовых планов, создание совместных хозяйственных организаций и предприятий, установление прямых связей между министерствами, ведомствами, а также между аймаками и областями и отдельными хозяйствами наших стран.

Исключительно важным является успешное осуществление производственной интеграции между нашими странами. Она открывает широкие перспективы для ускорения экономического развития Монголии. Конкретным примером этому могут служить Соглашения между правительствами МНР и СССР об учреждении советско-монгольского хозяйственного объединения «Монголсовцветмет» и создании совместного горно-обогатительного предприятия «Эрдэнэт» на базе крупного медно-молибденового месторождения. Уже начатое совместное строительство комбината «Эрдэнэт» будет самой крупной новостройкой социалистической Монголии в следующей, 6-й пятилетке.

На долю Советского Союза приходится три четверти объема нашей внешней торговли, около 70 процентов экспорта и более 80 процентов импорта. Советский Союз всегда с большим вниманием относится к нашим пожеланиям о поощрительных внешнеторговых ценах на экспортную продукцию МНР, в особенности на продукцию животноводства. Мне особенно отрадно отметить, что Советский Союз оказывал и поныне оказывает Монголии безвозмездную помощь.

В 1971 году в ознаменование 50-летия Монгольской народной революции Советский Союз передал в дар монгольскому народу несколько благоустроенных школьных и больничных комплексов и других объектов культурно-бытового назначения. Монгольский народ высоко ценит это проявление братской дружбы советских людей и испытывает чувство глубокой признательности за бескорыстную помощь. Силами советских строительных организаций будут возведены новые школьные комплексы, домостроительный комбинат, радиопередаточные и радиорелейные линии в отдаленные районы страны.

Встречая юбилей своего народного государства, коммунисты и все трудящиеся социалистической Монголии с радостным волнением приветствуют визит в нашу страну советской партийно-правительственной делегации во главе с выдающимся деятелем международного коммунистического и рабочего движения современности, страстным поборником мира и дружбы между народами, самым большим и близким другом монгольского народа Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС товарищем Леонидом Ильичом Брежневым.

Монгольский народ своим самоотверженным трудом под руководством МНРП, при поддержке и всесторонней помощи Советского Союза и других братских стран преодолел былую крайнюю хозяйственную и культурную отсталость, превратил свою страну в аграрно-индустриальное социалистическое государство, совершил культурную революцию и добился коренных перемен во всех сферах жизни общества.

Выполняя выдвинутые Программой партии задачи, трудящиеся МНР достигли значительных успехов в развитии социалистической экономики и культуры. Капитальные вложения в народное хозяйство нашей страны только в прошлом году превысили почти в 5 раз капитальные вложения 1-й пятилетки. Ныне промышленность за полмесяца дает столько продукции, сколько было выпущено за весь 1940 год.

Благодаря всенародному социалистическому соревнованию успешно выполняются и плановые задания текущего, 1974 года в области промышленности и сельского хозяйства.

Сейчас в нашей стране на 506 человек приходится один врач. Каждый четвертый гражданин учится в каком-либо учебном заведении.

Все это свидетельствует о неуклонном развитии экономики и культуры нашей страны в процессе создания материально-технической базы социализма. Рабочий класс, кооперированное аратство и трудовая интеллигенция нашей страны под руководством своего боевого авангарда — МНРП, при тесном сотрудничестве с братскими социалистическими странами, и прежде всего с Советским Союзом, успешно решают программные задачи партии по завершению строительства социализма.

РУДНИЧЕСТВО

г-н Коннор, он был министром торговли в правительстве Джонсона, а сейчас приехал как руководитель фирмы «Эллайд кемикал корпорейшн», чтобы вести торговые переговоры с советской стороной. Кстати, сейчас открывается новый интересный рынок: в США начинают подумывать о расширении добычи угля. Энергетический кризис заставил! В Америке уже долгие годы в этом направлении новых работ не велось. А Советский Союз обладает колоссальным опытом и развитой базой угольной промышленности. Американский деловой мир найдет в этой области много полезного для себя.

Еще одной формой деятельности Совета стала помощь в проведении и организации семинаров для специалистов. Такие семинары способствуют не только деловым и личным знакомствам, но, что более важно, они очень полезны с точки зрения обмена научно-технической информацией. Своими первыми успехами мы обязаны прежде всего духу сотрудничества, который прочно укрепился в стенах Совета».

Вице-президент Совета, Михаил Николаевич Грибков, человек, отдавший развитию внешнеторговых связей СССР около тридцати лет, дополнил своего американского коллегу: «Сам факт создания совместной советско-американской организации весьма характерен для эпохи разрядки. Сидим в одном помещении и работаем вместе. И успешно работаем. Очень заметен рост интереса со стороны американских деловых кругов к торговле с нашей страной».

Юрий ЗАРАХОВИЧ

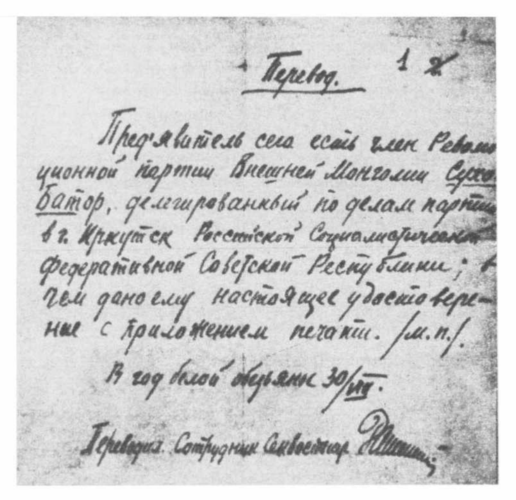
Слева направо: вице-президент Совета М. Грибков, старший вице-президент Совета Д. Коннор и сотрудник Совета Б. Попов.

Фото А. Гостева.

ВЕТРЫ РЕВОЛЮЦИИ

Б. БАДАР,
журналист

Цэнгун — коммунист партизан 1921 года.

Перевод. 1 2

Предъявитель сего есть член Револю-
ционной партии Внешней Монголии Сухэ-
Батор, делегированный по делам партии
в г. Иркутск Российской Социалистической
Федеративной Советской Республики; в
чем дано ему настоящее удостовере-
ние с приложением печати. /м.п./

11 год белой обезьяны 30/VII.

Переводчик. Сотрудник Сибвостотдел

Удостоверение Сухэ-Батора.

Музей Сухэ-Батора.

Над перевалами Эрэн-Нур и Хонгор-Мортин-Дава гуляет ранняя октябрьская метель. Колкая снежная крупа шуршит в сухой траве на склонах холмов. Глухо шумят ветви лиственниц, усыпая пожелтевшими иголками старые партизанские тропы, по которым когда-то подходили к Кяхтинскому Маймачену отряды монгольской Народной армии. А здесь, на городских улицах Алтан-Булага, безветренно и солнечно. Чувствуется даже, как от потемневшей бревенчатой стены приземистого домика тянет слабым теплом ненадежного осеннего затишка.

В этом домике пятьдесят с лишним лет назад располагался штаб Народной армии. Отсюда Сухэ-Батор руководил первым крупным победным сражением революционных бойцов.

— Морозно было в ту мартовскую ночь, когда мы шли через горы к Маймачену — так раньше назывался Алтан-Булаг. Да и буран еще разыгрался, — рассказывает нам старый партизан Цэнгун.

Ему восемьдесят два года, глаза поблекли, но воспоминания вновь возвращают им молодой блеск, хотя жизнь его в молодости была нелегкой. Осиротев десяти лет от роду, Цэнгун не один год батрачил у местных богачей. Но когда он узнал, что в Монголии есть люди, решившие бороться за справедливость, не раздумывая, подался к ним.

— В ту пору китайские милитаристы еще хозяйничали в нашей стране, грабили ее богатства,— продолжает старый партизан.— Как же мы, простые араты, могли не откликнуться на призыв Сухэ-Батора освободить свою родину от захватчиков? Бой за Маймачен продолжался целый день. Силы были неравными. Много партизан полегло, однако врагу не удалось сломить нашего натиска... Разве можно удержать ветер?..

В голосе Цэнгуна звучит гордость, и он вправе гордиться своей долгой жизнью. Прожита она не зря. Сорок пять лет он состоит в рядах МНРП. Служил на границе, работал на кожевенной фабрике, был профсоюзным и партийным работником. Почти половину жизни посвятил он делу партии, делу строительства социализма и вот теперь на заслуженном отдыхе.

Встречи с живыми свидетелями революционных битв всегда вызывают волнение. Но не меньшее волнение испытываешь и тогда, когда знакомишься с документами и реликвиями тех славных и далеких лет. Ведь они тоже овеяны горячими ветрами революции и хранят незабываемые свидетельства братской дружбы и помощи советских людей монгольскому народу.

В Алтан-Булаге, рядом с бревенчатым домиком, где находился когда-то штаб Народной армии, поднялось высокое белое здание, напоминающее юрту. Это филиал Музея революции. Он построен по проекту советских архитекторов, руками советских специалистов и рабочих, а потом передан в дар Монгольской Народной Республике.

Посетители музея подолгу задерживаются у стендов, где выставлено боевое оружие, личные вещи прославленных полководцев, партизан — героев освободительной борьбы, а также участников сражений на Халхин-Голе. Особый интерес вызывают документы, относящиеся к первым годам становления молодого монгольского государства, свидетельства плодотворного сотрудничества между Монголией и СССР. Некоторые из них находятся здесь, в Алтан-Булаге, многие хранятся в Институте истории партии при ЦК МНРП...

Обращение Советского правительства к правительству автономной Монголии от 3 августа 1919 года. Незадолго до ликвидации автономии Монголии китайскими милитаристами Советская Россия подтверждала право монгольского народа на самостоятельность, подчеркивала, что никто не должен вмешиваться в его внутренние дела, и предлагала установить дипломатические отношения. Под давлением белогвардейского отребья правительство автономной Монголии оставило без ответа это дружественное обращение. Но никакие происки реакционеров не могли уменьшить растущего стремления монгольского народа жить в мире и дружбе с Советской страной.

Чувства монгольских тружеников выражены в письме Сухэ-Батора, отправленном им в феврале 1921 года своему родственнику Нэмэндэю. Сухэ-Батор писал: «Уважаемый брат, основная политика Советской России направлена на то, чтобы помочь всяким малым угнетенным народам. Эта помощь бескорыстна... Поэтому мы должны осуществить свое великое политическое дело совместно с Советской Россией...»

С момента создания МНР это великое политическое дело, о котором писал Сухэ-Батор, осуществлялось и осуществляется в тесном союзе с Советской страной. Воины Красной Армии сражались вместе с монгольскими солдатами против иноземных захватчиков и белогвардейцев в 1921 году. Совместными действиями монгольских и советских частей был преподан суровый урок японским воякам у реки Халхин-Гол. В годы Великой Отечественной войны монгольские трудящиеся помогали своим советским братьям продовольствием, одеждой. На собранные монгольским народом средства была построена танковая колонна, а затем и авиаэскадрилья. В пострадавшие от фашистских оккупантов районы СССР были отправлены многие тысячи лошадей...

Начиная с первого, подлинно равноправного договора между Россией и Монголией, ратифицированного Временным хуралом второго дня двенадцатой луны одиннадцатого года (31 декабря 1921 года), по которому советское правительство передало безвозмездно «в полную собственность монгольского народа принадлежащие Российской Республике и находящиеся в пределах Монголии здания телеграфных контор с имеющимся в них телеграфным оборудованием», помощь Советского Союза в создании новой, социалистической Монголии трудно переоценить.

Мы многим обязаны родине великого Ленина. И в первую очередь тем революционным ветрам, которые принесли нам идеи Октября, идеи освобождения от векового гнета.

Н. Цултэм. НЕЗАБЫВАЕМАЯ ВСТРЕЧА. 1967.

Г. Одон. Ю. ЦЕДЕНБАЛ СРЕДИ СКОТОВОДОВ. 1966.

У. Ядамсурэн. ПОРТРЕТ СУХЭ-БАТОРА. 1943.

«МНЕ ТАК МИЛА...»

Я думаю, что каждый художник еще задолго до Нацагдоржа по-своему повторял то, что так просто и искренне выразил впоследствии наш поэт:

Мне так мила и сердцу так нужна
Монголия — прекрасная страна...

Я думаю, что каждый наш молодой художник, создавая новое полотно, тоже повторяет эти строки.

Монгольское современное искусство молодо. Оно родилось после победы народной революции. Но его подготовило извечное чувство прекрасного, которым щедро награжден наш народ. Степные кочевники украшали художественными орнаментами самые простые, самые необходимые предметы быта. Люди украшали седла и стремена, сапоги и луки, колчаны и стрелы. Рисунки на кошмах, на дверях и пологах юрт и сейчас являются художественными произведениями.

У монголов издавна существует обычай дарить друг другу на праздник «цаган сар»— Новый год — лубочные картинки с пожеланиями счастья. Стиль рисунков не похож ни на японский «нихонго», ни на корейский «чосонхва». Это наш собственный стиль «монгол зураг», что значит «монгольский рисунок». У этого стиля сдержанные краски, обилие орнамента и свои определенные каноны — особые формы облаков, волн, пламени, ветра, особые рисунки листьев, гор и скал.

Как совершился переход от этих давних форм к современному искусству Монголии? Пример тому — жизнь и творчество Балдугийна Шарава. В начале пути он был монастырским художником. После революции Шарав стал мастером революционного плаката. Это он написал первый в Монголии портрет Владимира Ильича Ленина.

Победа народной революции 1921 года открыла новый путь и в искусстве нашей страны. Теперь процесс формирования национального изобразительного искусства современной Монголии идет по двум направлениям. Это — творческое освоение европейской живописи и развитие традиционной монгольской плоскостной живописи. Обогащая друг друга, они способствуют расцвету нашего нового искусства.

Знакомство художников Монголии с масляными красками началось в начале XX века. Техника живописи, которая у нас называется европейской, пришла к нам из Советского Союза. На современное искусство новой Монголии оказывает несомненное влияние европейское искусство, прежде всего советское.

В 1920-х годах в обучении монгольских художников европейской живописи сыграли большую роль советские художники. В живописи 1930—1940 годов главной темой монгольских художников была народная революция, новая жизнь страны. В 1950—1960 годах главной темой живописи стало социалистическое строительство, а героем — человек труда.

Сейчас наши современные художники ставят перед собой цель — овладев методом европейской живописи, обогатить традиционное монгольское национальное искусство. Различна тематика работ живописцев. Народного художника МНР У. Ядамсурэна интересуют темы истории и этнографии. Народный художник О. Цэвэгжав верен сельской теме, художник Б. Гомбосурэн работает над историко-революционными сюжетами.

Из работ У. Ядамсурэна мы особенно ценим портрет вождя монгольской народной революции Д. Сухэ-Батора. Портрет написан маслом, облик Сухэ-Батора насыщен революционным пафосом, непосредственность, взволнованность изображения создают запоминающийся образ. Лауреат Государственной премии художник Г. Одон работает в разных жанрах. Он стал родоначальником нашей станковой живописи 1950—1960 годов. Его картина «После работы» была одной из самых первых жанровых многофигурных композиций новой живописи Монголии. Используя острый современный сюжет, живописец попытался рассказать о новой психологии монгольских аратов. Автор многих лирических этюдов, художник Г. Одон настойчиво стремится к созданию произведений, обобщенно передающих красоту и величие природы Монголии.

Пейзаж становится популярным жанром в современной живописи Монголии. Лиричны пейзажи народного художника, кандидата искусствоведения Н. Цултэма. Картина «Под вечерним солнцем» полна тепла.

Хорошим пейзажистом становится молодой художник М. Цэмбэлдорж. Его картина «Пейзаж Гоби» выразительно и лаконично раскрывает облик необычной каменистой пустыни. Мягкий колорит полотна придает пейзажу удивительное спокойствие. Живописными коврами цветов покрыты горы и степи. Гоби, оставаясь пустыней, предстает перед зрителем ярким, солнечным краем.

Работы Б. Чогсома отличает темпераментная романтическая трактовка темы, широкое использование цветовых контрастов. Сюжеты его полотен динамичны, полны света и своеобразия. Такой видится нам его работа «У камня Тайхар».

Свершения социалистической Монголии вдохновляют наших художников на создание новых талантливых произведений.

С. ДАШДООРОВ

А ты приди
В мой край степной,
Со степью подружись поближе!..
Она лежит передо мной
Огромная,
Меня не слышит.

Дорог я много исходил,
И мирных
И политых кровью.
Ее, как сын, я полюбил,
А час придет —
Навек в ней скроюсь.

Но жив пока я и здоров,
Пока душа горит мечтою,
Я принесу ей ярость слов,
Что станут песней золотою.

Когда вокруг звенит апрель,
Ты, степь моя,
Как песня света,
Вся, как родная колыбель,
Лучами вешними согрета.

И воздух над тобой дрожит,
И снова ты в цвету, родная.
И вновь степные миражи
Вполнеба над тобой играют.

И шелест трав твоих в ушах
Гудит с утра, не умолкая.
Как будто бы твоя душа
Заговорила вдруг живая.

Не мне ль тебя дано судьбой
Хоть словом одарить,
Хоть строчкой.
И я стою перед тобой,
Цветущая,
Чуть видной точкой.

Когда уеду далеко,
Когда со степью я в разлуке,
Мне дышится не так легко,
В тоске к ней простираю руки.

А вновь вернусь в свои края,
Я в степь иду, лучом палимый.
А может, просто
Степь и я,
Как мать и сын,
Неотделимы.

Дорог я много исходил,
И мирных
И политых кровью.
Ее, как сын, я полюбил,
А час придет —
Навек в ней скроюсь.

Но жив пока я и здоров,
Пока душа горит мечтою,
Я принесу ей ярость слов,
Что станут песней золотою.

Перевел с монгольского
Евгений АНТОШКИН.

ГОДЫ,

Бывают годы, равные векам,— переломные, суровые, прекрасные годы. Такими годами я считаю пятьдесят лет развития монгольской науки. До революции школы и научные учреждения находились при монастырях и носили религиозный, совершенно оторванный от мировой науки характер.

В городе Сухэ-Батор живет один из партизан 1921 года, что под руководством Сухэ-Батора завоевали народную власть. Ему 76 лет, его зовут Ендонгийн Самдан. Вот что он рассказывает о том, как «учился грамоте» в монастырской школе:

— Отец мой был охотником, и не знаю теперь, когда и как самоучкой научился читать. Самым большим его желанием было по-настоящему научить грамоте и меня. Он дождался, когда мне исполнилось 9 лет, и отдал меня в монастырь — дацан, учеником к ламе. До 16 лет я пробыл там, целых 7 лет тупо повторял тибетские тексты, заучивал их наизусть, нисколько не понимая смысла. Постепенно и мне и отцу стало ясно, что так грамоте не научишься. Я ушел из монастыря и стал земледельцем, выращивал у себя в Булганском аймаке пшеницу. Потом началась революция, я был бедным человеком и хотел для своего народа и для себя по-настоящему грамотной, по-настоящему светлой жизни. Я ушел в отряд к товарищу Чойбалсану и сражался за народную Монголию...

Вся культура, искусство, история, все зачатки знаний были в руках духовенства. Тем более чтим мы светски образованных монгольских просветителей начала 20-го века, таких, как Жамьян, Шагыж, Магсаржав, Бат-Очир: они как бы вспахали ниву для молодой социалистической монгольской науки.

Через шесть месяцев после победы революции народное правительство Монголии учреждает первую маленькую научную ячейку — «Книжную палату». Эта палата была одновременно и библиотекой и научным учреждением. В ней работало всего 10 человек, они составляли пособия, учебники, выпускали популярные брошюры. Самым первым их шагом было установление связи с Российской Академией наук. Владимир Ильич Ленин придавал большое значение просвещению Монголии. Нашей науке помогали известные советские ученые: А. Карпинский, С. Ольденбург, В. Обручев, Б. Владимирцов, П. Козлов. Они приезжали в Монголию, организовывали научные экспедиции. Современная монгольская наука многим обязана им. Наша республика отправила десятки способных молодых людей учиться в Советский Союз. Они вернулись образованными людьми, включились в работу «Книжной палаты», занялись научными исследованиями, и стала наша ячейка уже не «Книжной палатой», а Ученым комитетом. В 1942 году мы создали в Улан-Баторе Государственный университет. Наверное, нет необходимости пояснять, насколько важно в развивающейся республике создание своего университета. Я хочу сказать советским читателям, что я сам много учился у вас на родине — кончил среднюю школу, а потом и

Службу солнца, времени и широт несет обсерватория в Хурэлтоготе.

«Пятиминутку» сухэбаторских хирургов ведет главный врач Отгонжергал (в центре).

РАВНЫЕ ВЕКАМ

Б. ШИРЕНДЫБ,
президент Академии наук МНР

университет в Иркутске, занимался в Москве в аспирантуре и в докторантуре; выпустил 20 книг и около 200 научных трудов. Я историк, действительный член АН СССР, Венгрии, Болгарии, Чехословакии и почетный доктор английского университета в городе Лидсе. Проработав 10 лет ректором молодого Улан-Баторского университета, я думаю, что выполнил свой долг, передав нашей монгольской молодежи то, чему научился у ваших ученых: стремиться к творчеству в науке, направлять ее на благо народа.

К 50-м годам у нас появились первые кандидаты и доктора наук. В мае 1961 года ЦК МНРП и правительство нашей республики приняли решение о преобразовании Комитета наук в Академию наук МНР. Эту дату мы считаем самой главной ступенью на пути развития нашей науки.

Сейчас в системе монгольской Академии наук работает свыше 1 000 человек: 600 научных сотрудников, 100 кандидатов и 25 докторов наук. Среди нас 10 академиков, 20 членов-корреспондентов. В составе Академии работают 12 институтов. Наши ученые — историки, языковеды, географы, геологи, биологи — создали ряд фундаментальных трудов. Интересно и плодотворно работает Институт истории во главе с доктором наук Нацагдоржем. За 10 лет издано несколько десятков монографий, сотни статей. Наиболее значительными мы считаем 3 серийных работы по публикации памятников истории — это серия археологии, этнографии, истории Монголии. Одной из крупных наших работ является изданная вместе с советскими учеными «История МНР». Ее второе издание вышло недавно на английском языке. Работы наших историков переиздаются в странах социализма, в Америке, в ФРГ. У нас хорошие связи с учеными Японии, Америки, Англии, Франции, Италии, Канады, Индии, Финляндии. Но по-прежнему нашими главными помощниками и соратниками являются советские ученые. Сейчас у нас в республике работают объединенные монголо-советские экспедиции: геологическая, палеонтологическая, биологическая, археологическая.

За последние годы монгольские и советские палеонтологи сделали несколько редких находок. Это кости древних ящеров, обнаруженные в Гоби, носорога и бизона, найденные на севере Монголии. Самой сенсационной находкой последних лет, удивившей мировую науку, стало «кладбище драконов» в Гоби. Хорошо сохранившийся скелет гигантского динозавра-тарбозавра выставлен в Улан-Баторе, в Государственном центральном музее МНР. Естественно, что подобный экспонат представляет огромный интерес для науки и привлекает к нашим палеонтологическим исследованиям внимание ученых всего мира.

Значительна работа наших астрономов. Монголию часто называют страной синего неба — действительно, воздух над нашими горами удивительно чист и прозрачен. Недалеко от Улан-Батора построена астрономическая обсерватория. Здесь изучаются закономерности движения полюсов Земли, ведутся наблюдения над Солнцем. В городе Даланзадгаде начаты эксперименты по отоплению помещений с помощью солнечных установок. Обсерватория ведет работы, связанные со службой точного времени.

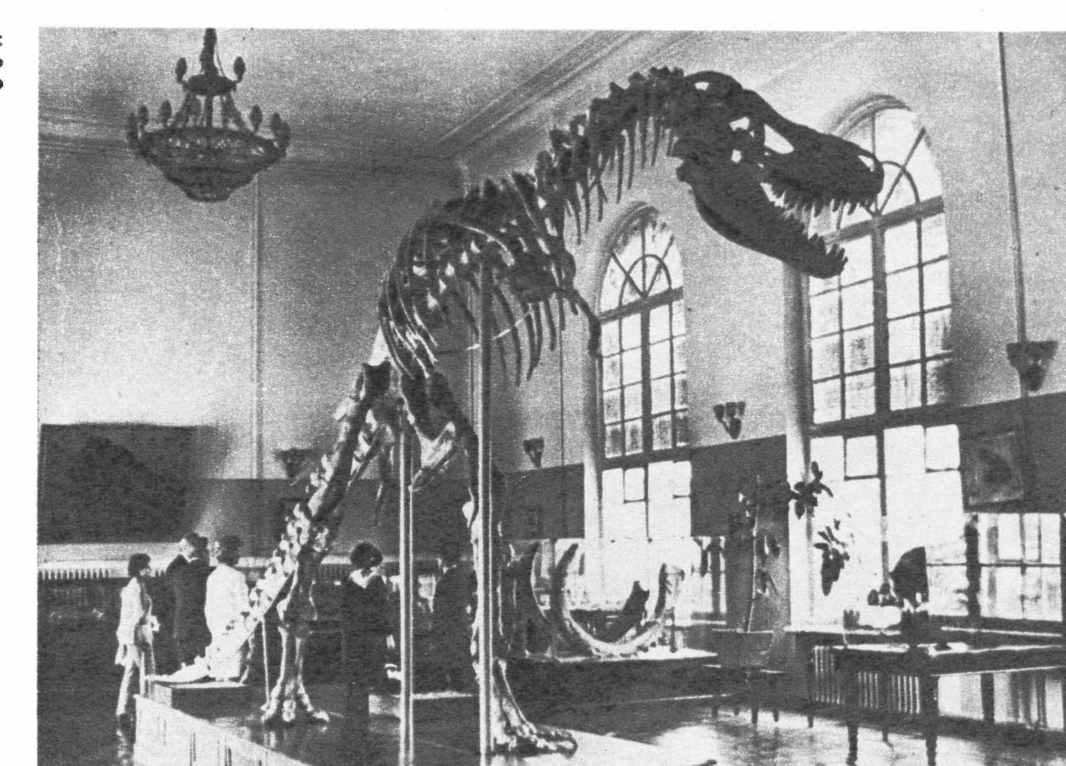
Среди многих наших задач я хотел бы назвать первоочередные. Это прежде всего помощь ученых народному хозяйству в изучении материально-сырьевых ресурсов, внедрение в народное хозяйство достижений научно-технического прогресса, сосредоточенная и углубленная подготовка научных кадров.

Решением проблемы помощи народному хозяйству и внедрением в его отрасли научно-технических достижений, естественно, в той или иной форме занят каждый из наших институтов. Что же касается подготовки научных кадров, то здесь мы стараемся использовать все возможности. Мы готовим молодых ученых у себя в республике, направляем их совершенствоваться в СССР и в другие страны социалистического содружества.

История доказала нам, что ни одна страна не может развиваться обособленно. Теперь у Монголии много друзей, много бескорыстных помощников, и это благотворно сказывается на развитии нашей науки.

Скелет динозавра с «кладбища драконов» в Гоби теперь можно увидеть в музее.

ТРИ ИНТЕРВЬЮ В СТРАНЕ ЮНОСТИ

Фото А. БОЧИНИНА.

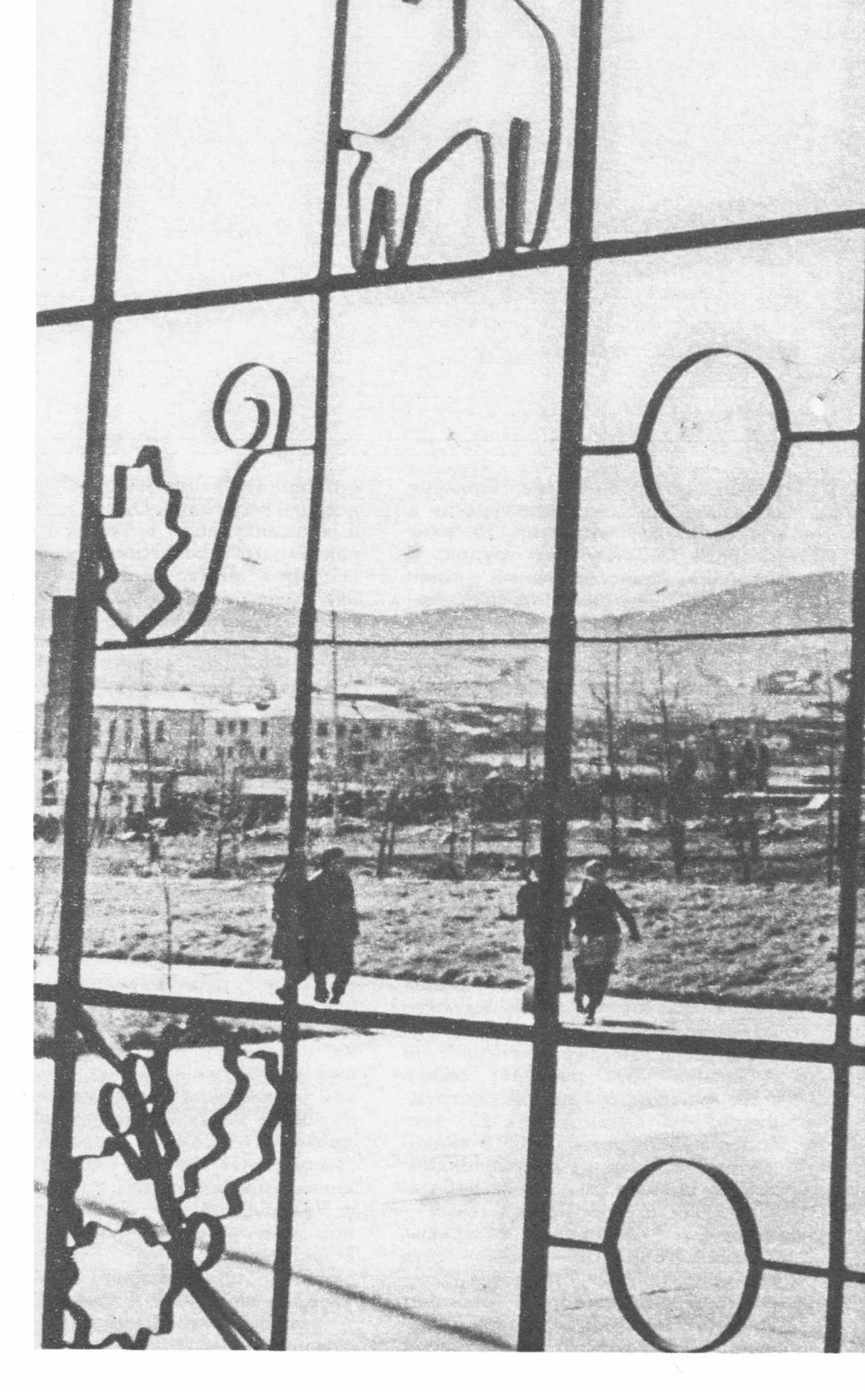
ИНТЕРВЬЮ ПЕРВОЕ

С Д. Ищцэрэном, министром народного образования, председателем Монгольского национального комитета ЮНЕСКО.

«ОГОНЕК». Монголию называют страной юности — более половины ее населения составляют дети и молодежь. Расскажите, что характерно для монгольской системы народного образования?

Д. Ищцэрэн. До революции в нашей стране только 0,7 процента населения было грамотным, а ныне республика получила награду ЮНЕСКО — премию имени Крупской за ликвидацию неграмотности. Это достижение складывалось из многих слагаемых: здесь и забота партии, руководства нашей республики о всеобщем народном образовании, большая помощь Советского Союза нашей стране и, конечно, стремление самого народа, молодежи к просвещению.

Право на бесплатное образование для всего народа было провозглашено в первой конституции социалистической Монголии. С тех пор началось формирование и совершенствование системы народного просвещения. С помощью советских специалистов к тридцатым годам мы уже смогли организовать столь необходимые для нас учебные заведения — медицинский, педагогический, финансовый техникумы. В те же годы мы открыли десятилетние школы и при них интернаты для детей из самых отдаленных стойбищ. У нас, в условиях степного сельского хозяйства, интернаты на полном государственном обеспечении — одно из главных условий учебы.

С 1940 по 1961 год все дети Монголии получили обязательное четырехклассное образование. В те же годы была ликвидирована неграмотность среди взрослых. Математика, монгольский и русский языки — вот три основных предмета, которым мы уделяем много внимания. Наши преподаватели образно сравнивают их с тремя камнями старого монгольского очага: как некогда эти три камня были необходимы монголу для поддержания огня, так теперь необходимы нам для нашей духовной жизни математика, родной язык и русский. Мы хотим, чтобы наши педагоги могли постоянно совершенствовать знание русского языка.

Система монгольского народного образования тесно связана с дружбой двух наших стран. Огромной, важной была помощь советских специалистов. Непривычные поначалу к нашим степным условиям, советские педагоги стойко переносили наш холод и нашу жару. Им приходилось ездить на верблюдах в Гоби, помогать строить школы, учить и учиться.

Попробую суммировать все сделанное за эти годы кратко, в цифрах. У нас работает 533 детских сада, где воспитывается 85 тысяч детей. В 555 общеобразовательных школах обучается 289 тысяч школьников. В 19 техникумах учится 11 тысяч, а в 5 вузах — 8 тысяч студентов. Велико желание нашей молодежи получить высшее образование. Конкурсы при поступлении в вузы обычно 5—10 человек на место. Больше всего молодежь стремится на медицинский факультет, на отделение монгольского и русского языков. Словом, сейчас у нас в Монголии учится каждый четвертый житель.

В поездке по стране вы, несомненно, увидите замечательные комплексы, построенные для наших детей советскими строителями. Сможете поговорить и с учителями, и с учащимися.

ИНТЕРВЬЮ ВТОРОЕ

С учительницей восьмилетней школы в Алтан-Булаге Л. ХАНД.

«ОГОНЕК». Как сложилась ваша учительская судьба?

Л. Ханд. Я по специальности географ, кончала институт в Улан-Баторе. А отец был пастухом. Как пример перехода от неграмотности к образованию нашу семью можно назвать типичной для Монголии. Брат мой тоже учитель. Старшее поколение нашей семьи — я, мой муж и мой брат — коммунисты. Младшее поколение, конечно, учится. В общей сложности проработала учительницей уже 24 года. Своей профессией я горжусь: если подсчитать хотя бы приблизительно, то я научила истории и географии не меньше двух тысяч учеников. Среди моих бывших учеников есть врачи, инженеры, учителя, административные работники; есть и ученые — кандидаты наук. Школа у нас, как видите, прекрасная. А нынешними своими учениками я нахвалиться не могу: очень способные и старательные ребята.

ИНТЕРВЬЮ ТРЕТЬЕ

С ученицей 5-го класса Алтан-Булагской школы Энхмой.

«ОГОНЕК». Расскажи, Энхма, о своей школе и семье.

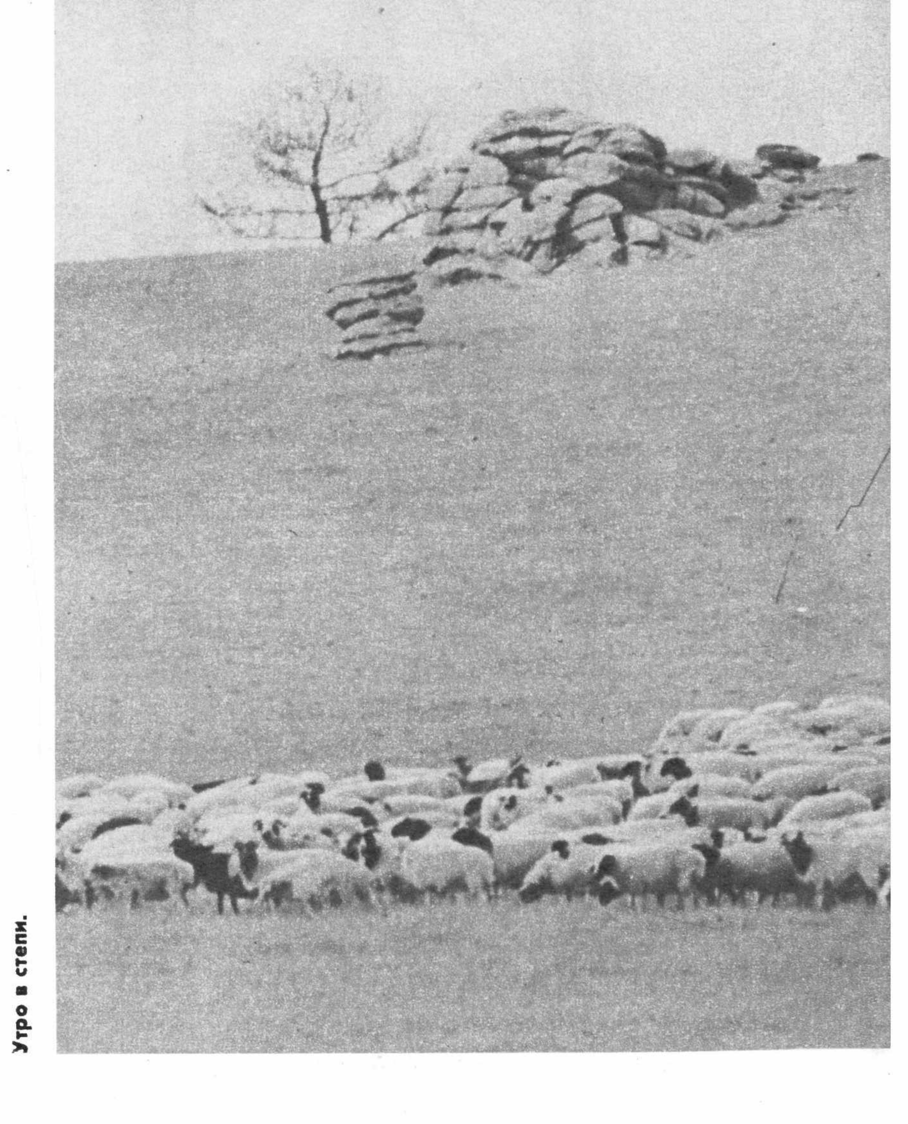
Энхма. У нас красивая школа, я ее люблю. Все уроки люблю, учусь на пятерки и четверки. А больше всего мне нравится русский язык и русская учительница Лилия Никитична Савина. Еще я люблю своих братьев и сестер, их у меня много — семеро. Четверо учатся в нашей школе, трое ходят в детсад, потому что у нас мама и папа все время заняты, они работают овощеводами в госхозе. Когда я не помогаю младшим и не учу уроки, я люблю читать сказки. Я еще не знаю, кем буду. Наверное, учительницей.

Чимиджав — депутат Великого Народного хурала.

Утро в степи.

Светозар БАРЧЕНКО,
фото А. БОЧИНИНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

ЗОЛОТ

Машина остановилась в степи. Собственно, это была не настоящая степь, а поросшая увядшими жесткими травами плоская равнина, зажатая между горами, которые, когда мы днем ехали сюда, в первое отделение госхоза «Алтан-Булаг», громоздились вдалеке по всем сторонам горизонта. Но теперь гор не видно. Ночь уже опустилась на землю, и усыпанное крупными звездами небо высоко распахнулось над головой.

Накануне в горах выпал снег. Воздух морозен и свеж. Под ногами похрустывают сухие стебли. И чем дальше отходишь от бледной полоски света подфарников, тем сильнее поддаешься ощущению безбрежности окружающего простора. Шофер возится около машины, позвякивает какими-то железками — меняет спустившее колесо. Дело нехитрое да и недолгое. Но даже эти несколько минут наедине с ночной степью наполняют душу настороженной торжественностью.

Днем здесь пасли лошадей табунщики госхоза. Потревоженные автомобильными гудками приземистые косматые кони, дико всхрапывая и кусая друг друга за холки, с гулким топотом проносились мимо нас, обдавая все вокруг горькой полынной пылью. Что-то неудержимое, древнее было в этом стремительном беге неукротимых монгольских коней. И я невольно оглядываюсь, услыхав вновь за спиной дробный накатывающийся грохот копыт. Однако опасения мои напрасны. Это наш шофер Баяр — имя его в переводе с монгольского означает «радость» — весело постукивает монтировкой по тугому скату. Баяру не терпится возвратиться домой. Вчера ему позвонили из Улан-Батора и сказали, что его жена родила дочь. Девочку назвали Байкал. Так пусть ее жизнь будет столь же прекрасна и широка, как лежащее далеко за горами славное сибирское море!

А вокруг ни огонька. Пусто в ночной степи. И только над головой по-прежнему безмолвно бушует золотая звездная россыпь. В такие минуты хорошо думается, легко вспоминается...

1

Заведующий фондами Государственной публичной библиотеки Чимидрекзен спокоен и нетороплив. Говорит он негромко, передвигается бесшумно. И когда попадаешь сюда, в прохладный полумрак, где на стеллажах покоится бережно укутанная в ткань вековая человеческая мудрость, тоже понижаешь голос и стараешься ступать осторожнее. Наверху, в коридорах и кабинетах президиума Академии наук МНР, царит обычное деловое оживление, а в книгохранилище — благоговейная тишина. Поблескивают расшитые золотом заставки, виднеются корешки книг, рукописи, свитки... В главной библиотеке страны, которая всего лишь несколько десятков лет назад была почти поголовно неграмотной, собрано несколько миллионов книг по всем отраслям знаний. Более пятисот из них уникальные.

Чимидрекзен, наверное, привык к тому, что приходящие в книгохранилище интересуются древними книгами. Он и сам изучает эти книги и переводит их с древнемонгольского, с тибетского и санскрита на монгольский язык. В его переводах нуждается Институт природных соединений, в лабораториях которого тщательно исследуются свойства растений и трав, способы составления лекарств. Чимидрекзен убежден, что тысячелетний опыт врачевания, заключенный в этих свитках и рукописях, в союзе с достижениями современной медицины способен обогатить искусство исцеления недугов.

В тот день в книгохранилище мы познакомились лишь с фармацевтом Цэрэндэндэвом, работающим в аймачной аптеке. Приехал он из Хубсугульского аймака (области), чтобы почитать медицинские трактаты на тибетском языке, подобрать уже проверенные рецепты. Ценнейшие книги, бывшие некогда собственностью монастырей и лам, стали доступны не только ученым, но и практикам.

А ведь многие хранящиеся в Государственной публичной библиотеке книги действительно бесценны в самом прямом смысле. Чимидрекзен показал нам десятитомное сочинение «Сандуйжуд». Оно изготовлено из тонких серебряных пластинок руками монгольских чеканщиков. На него ушли годы труда, пятьдесят два килограмма золота и четыреста килограммов серебра. И уж, конечно, никакой мерой не измерить мастерство и талант древних умельцев, любовно отшлифовавших каждую строчку, каждую букву этой книги, которая создавалась, быть может, вдали от мирской суеты, в дымной келье какого-нибудь дацана.

Книга «Сандуйжуд» считалась священной. Возможно, сейчас и не стоило бы упоминать о ней, тем более что в республике давно упразднен институт лам, нет и монастырей-дацанов. Но вся история новой Монголии представляется мне чудесной золотой книгой, которую создает свободный народ, преображающий свою древнюю и прекрасную землю.

АЯ КНИГА

Я думал об этом в чистых и светлых цехах ювелирного завода в Улан-Баторе. На рабочих местах около станков сидели парни и девушки в белых халатах. Молодой мастер цеха по обработке камня Пурэвдорж увлеченно рассказывал о премудростях превращения горных пород в сверкающие драгоценности, а я смотрел на руки рабочих, стараясь уловить тот миг, когда вдруг начинает таинственно мерцать отполированная гладь камня, становится как бы живой, и отражается в ней весь необъятный солнечный мир. Передо мной были потомки древних мастеров, создавших некогда золотую книгу. Они творили новую красоту, которая малой крупицей войдет в летопись славных дел республики. Первые ее страницы заполнялись полвека назад неподалеку от северной границы страны. Они написаны кровью бесстрашных бойцов, освободивших свою землю от иноземных захватчиков и сбросивших вековой гнет богачей.

2

Каменистая дорога уводит от города Сухэ-Батора к ущелью Сайхан. По обеим сторонам вздымаются обрывистые горные отроги. И дорога тоже вдруг словно обрывается — круто уходит вниз. Справа — белая каменная стела. На ней изображен человек, прижавший к губам витую раковину.

Отсюда, с высоты, открывается широкая долина реки Селенги. Осень одела свежей желтизной лиственничные леса на склонах гор. Кусты ивняка отливают чуть приметным багрянцем. И поэтому мне кажется, что даже бурливая Селенга, которую называют еще и колыбелью революции, встречая пятидесятилетний юбилей провозглашения народной республики, решила предстать перед нами в своем самом ярком, праздничном убранстве. Долина Алтан — Золотая долина. Мир. Тишина. Покой...

Но неожиданно в этой тишине возникает долгий вибрирующий звук. Трудно определить, откуда он доносится. Скорее всего это обычный тепловозный гудок, однако я почему-то поворачиваюсь в ту сторону, где застыл на каменной стеле устремленный вперед человек, вскинувший к губам витую раковину.

«Призыв к революции» — так объяснили нам изображение на белом камне. Когда-то звуки витых раковин раздавались над долиной Алтан. Заслышав их, бедняки доставали припрятанное оружие и тайными тропами спешили к Селенге, где, как говорили в народе, сын арата Дамдина Сухэ-Батор собирает всех, кто хочет бороться за новую жизнь. Ранней весной 1921 года в долине Алтан были сформированы первые партизанские отряды, превратившиеся потом в полки народной революционной армии, изгнавшей из страны китайских милитаристов и банды барона Унгерна.

Память об этих событиях хранится в архивах, на застекленных полках музейных стендов и выставок, но есть и другие следы памяти.

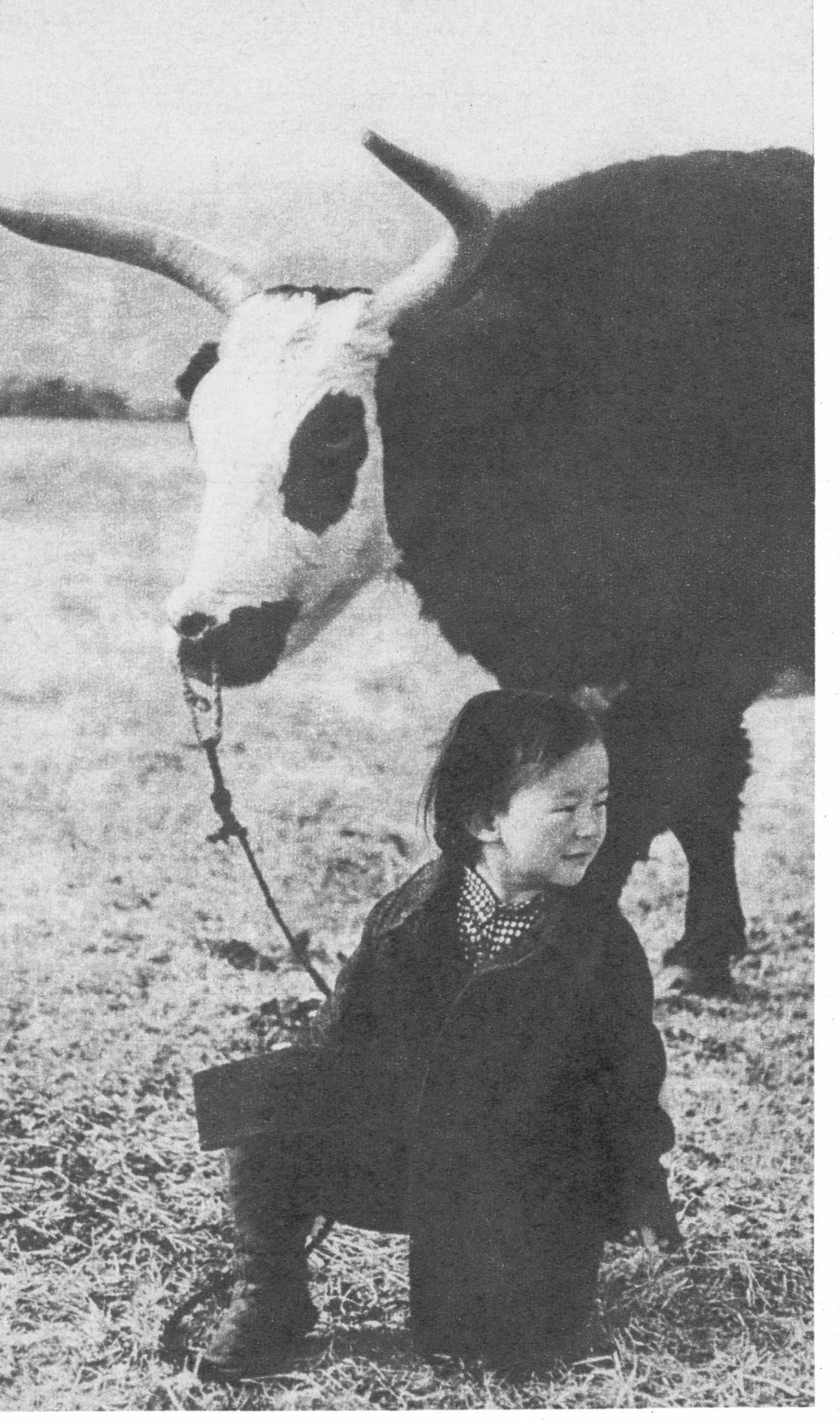
Посреди глухих распадков, в долинах, на уступах гор и у накатанных степных большаков на фоне осенней позолоты особенно четко вырисовываются каменные обелиски, а иногда и просто поставленные стойма обломки скал, открытые всем ветрам и непогодам. «Здесь был штаб третьего партизанского полка... Этот памятник воздвигли монгольские матери своим погибшим сыновьям... На этом месте мятежники-контрреволюционеры казнили молодых ревсомольцев...» И когда вслушиваешься в эти слова, которые вполголоса произносит наш неизменный спутник в поездках по Монголии, молодой журналист Бадар, кажется, что в воздухе вновь, как над ущельем Сайхан, возникает трубный звук витой раковины — вечный, несмолкаемый призыв к ныне живущим.

А дорога спешит дальше, к синеющим у окоема горбатым холмам, петляет вдоль берега порожистой речки. Навстречу нам движутся «ЗИЛы», тяжело груженные прессованными тюками сена. В госхозе «Алтан-Булаг» заготавливают на зиму корма. Урожай трав в этом году богатый. Убирать его помогали друзья-механизаторы, приезжавшие из Советской Бурятии. И вот теперь осталось подвезти сено поближе к кошарам.

На усадьбе первого отделения нас встречает директор госхоза «Алтан-Булаг» Я. Намжа.

— Вы спрашиваете, как называется наша местность? — Директор щурит глаза на заходящее солнце.— Видите вон ту гору? Это Хутаг-Ондор. Гора дала свое имя долине.— И, немного помолчав, задумчиво добавляет: — Здесь когда-то партизаны Сухэ-Батора разгромили отряд китайских милитаристов...

Намжа невысок, плотен, коренаст. О своем госхозе он рассказывает обстоятельно, иногда обращается к сидящему рядом с ним сухощавому, слегка сутуловатому человеку, секретарю парткома И. Содному и тот, как бы подкрепляя слова директора, называет имена передовиков, цифры обязательств. В общем, все происходит примерно так же, как в нашем совхозе где-нибудь на Ставропольщине или в Кулунде. И разговор ведется самый обычный, будничный. Приехали люди

Друзья.

Всадники.

издалека, интересуются делами хозяйства, и руководители охотно знакомят приезжих с достижениями тружеников госхоза. Основное направление хозяйства — животноводство. Снабжают молоком жителей города Сухэ-Батора. Десять тысяч голов крупного рогатого скота, есть еще и овцы, лошади, свиньи. Общая площадь угодий около двухсот тридцати тысяч гектаров, из них двенадцать тысяч гектаров пахотной земли...

Намжа внезапно прерывает свой рассказ и спрашивает с улыбкой:

— А знаете, сколько обрабатывалось земли по всей Монголии в двадцать четвертом году? Могу вам сказать совершенно точно — десять тысяч гектаров. Меньше, чем в одном нашем госхозе...

На столе в пиалах дымится солоноватый зеленый чай, приправленный молоком. В жару он хорошо утоляет жажду, в холод — согревает. И, прихлебывая из пиалы, я думаю, что, пожалуй, слишком поспешил с выводом о привычной будничности нашего разговора.

Сейчас в республике засевается примерно полмиллиона гектаров земли. И если эта цифра может показаться не особо впечатляющей, не лишним будет напомнить, что земледелие в Монголии — это несколько больше, чем новая отрасль сельского хозяйства. Монгольским хлеборобам приходилось бороться не только с суровой природой, но и преодолевать психологический барьер. Из века в век на здешних землях колосились буйные степные травы, бродили стада и никогда не росла пшеница. Мне кажется, что дед лучшего механизатора-комбайнера госхоза «Алтан-Булаг» Пурвэ вряд ли предполагал, что его внук оставит пастушескую ургу и пересядет с коня на комбайн «Нива». А Пурвэ стал пятикратным чемпионом республики по уборке зерновых, делегатом XVI съезда МНРП, кавалером двух орденов «Полярной Звезды». И таких механизаторов немало теперь в госхозах и сельскохозяйственных объединениях страны.

Конечно, все это закономерно. Так и должно быть в республике, успешно строящей социализм. Но сколько самоотверженного труда и бессонных ночей скрыто за словами «так и должно быть»!

На глазах нынешнего поколения возводились цеха домостроительного комбината и авторемонтного завода в Улан-Баторе, пробурены первые скважины в нефтеносном районе Сайн-Шанда, растет медно-молибденовый комбинат в Эрдэнэте, а впереди еще много забот, много славных и трудных дел по превращению страны в индустриально-аграрную державу. Когда-нибудь они тоже отойдут в прошлое, но о них не забудут никогда, потому что дела эти лягут вечными строчками на страницы золотой книги...

3

«Душа матери, ты нежна и чиста, как белое молоко...» — старательно поет пятиклассница Цэху. Ее старшая сестра Цэрэнпагам подпевает и аккомпанирует ей на струнном инструменте. Протяжная монгольская мелодия, грустные незнакомые слова становятся близкими и понятными, когда смотришь на обветренное, покрытое морщинами лицо Майнаху. Это поют ее дети, и мать украдкой улыбается, слушая песню своих дочерей. За порогом юрты чабана Цеценху вторит песне звенящий по камням неугомонный ручей — Счастливый источник.

— У нас в Ара-Хангайском аймаке самая высокая плотность населения по всей стране,— говорит нам Радна, заместитель председателя сельскохозяйственного объединения «Пионерский путь».— И знаете почему? — В голосе его слышатся шутливые нотки.— Да потому, что мы делаем лучшее в Монголии сливочное масло, лучший кумыс, а наши девушки — лучшие певуньи...

Нам повезло. Мы сами смогли убедиться в справедливости слов Радны.

Летние стойбища сельскохозяйственного объединения расположились у подножия гор, по берегам светлых ручьев и быстрых речек. На первый взгляд они похожи друг на друга, как братья-близнецы. Две-три белые юрты, проволочная коновязь, загон для молодняка и важные пастушеские собаки, которые не кидаются со всех ног, норовя ухватить зубами колеса, а лишь сторонятся, пропуская машину, и опять укладываются на землю, не сводя глаз с пасущихся поблизости овец и яков. Но в каждой юрте свои заботы, своя жизнь, и только радушие, с каким встречают гостей, одинаково повсюду.

Кончив петь, Цэрэнпагам, как настоящая артистка, слегка кланяется и с улыбкой наливает в пиалы душистый кумыс. Может быть, когда-нибудь она действительно станет артисткой. Жизнь ее только начинается. После школы она по путевке ревсомола пошла работать на ферму дояркой. Сейчас Цэрэнпагам рекордсменка среди доярок Булганского сомона и надеется в скором времени сравняться с самой Чимиджав.

Нам знакомо это имя. И, вновь услыхав его, я стараюсь припомнить нечто особое, что отличало бы юрту депутата Великого Народного хурала доярки Чимиджав от юрт в других стойбищах. Нет, кажется, все в ней было таким же, как здесь. Низкий стол, кровати, мягкий ковер на полу... Словом, лишь самое необходимое, без чего не обойтись вдали от дома.

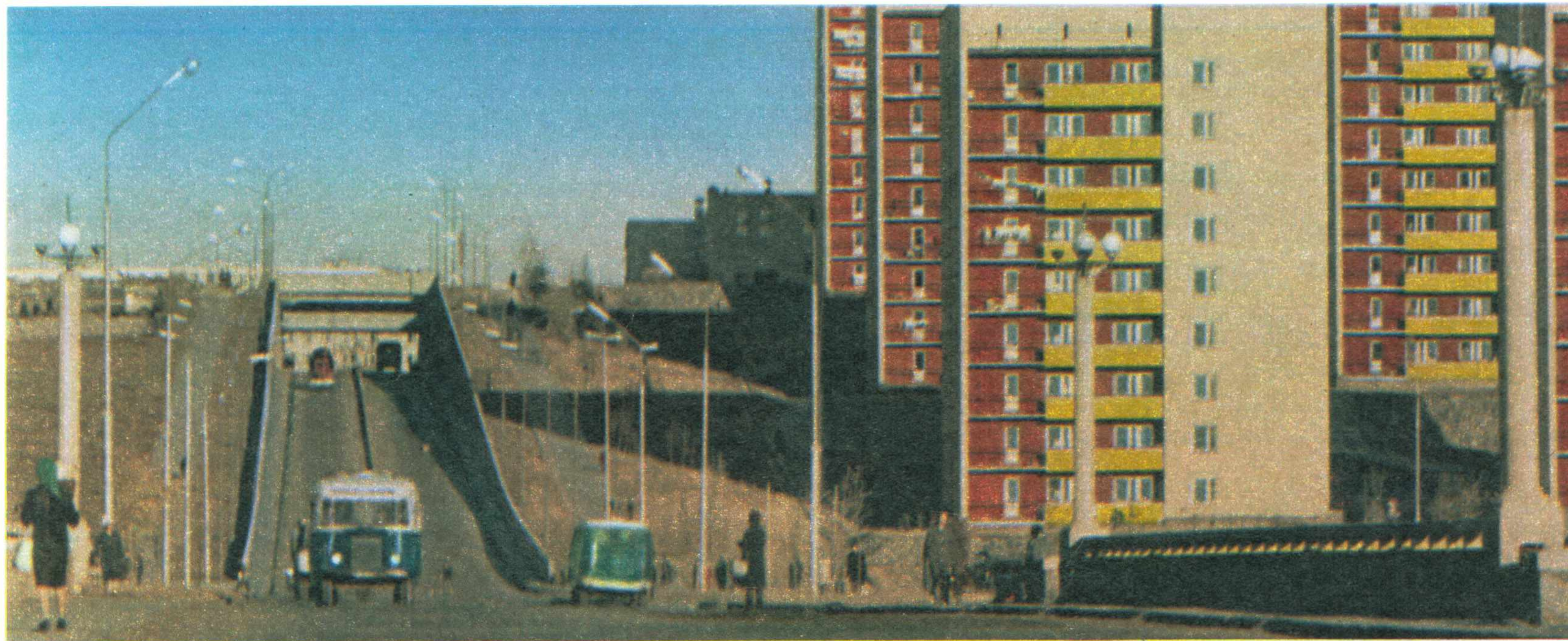
В юрте чабана Цеценху светло от молодых, беспечных улыбок и песен. Улыбалась, конечно, и Чимиджав, и в юрте ее было не темнее, но о чем бы у нас тогда ни шла речь, мы неизменно возвращались к главному государственному делу, которым занимается Чимиджав,— к ее труду на ферме.

А может быть, Цэрэнпагам не суждено петь на сцене? Может быть, она так и останется дояркой, но, умудренная житейским опытом, тоже будет заседать в хурале рядом с Чимиджав? Гадать не стоит. Все может быть. Но я думаю, что в любом случае судьба ее будет интересной и яркой, потому что родилась она в новой Монголии — свободной и прекрасной стране.

Инженеры Жамьян (слева) и Пулунбат — молодые хозяева Шарын-Гола.

Новый Улан-Батор.

А это будущие инженеры, студенты Политехнического института.

Цеценху — лучший чабан Ара-Хангайского аймака.

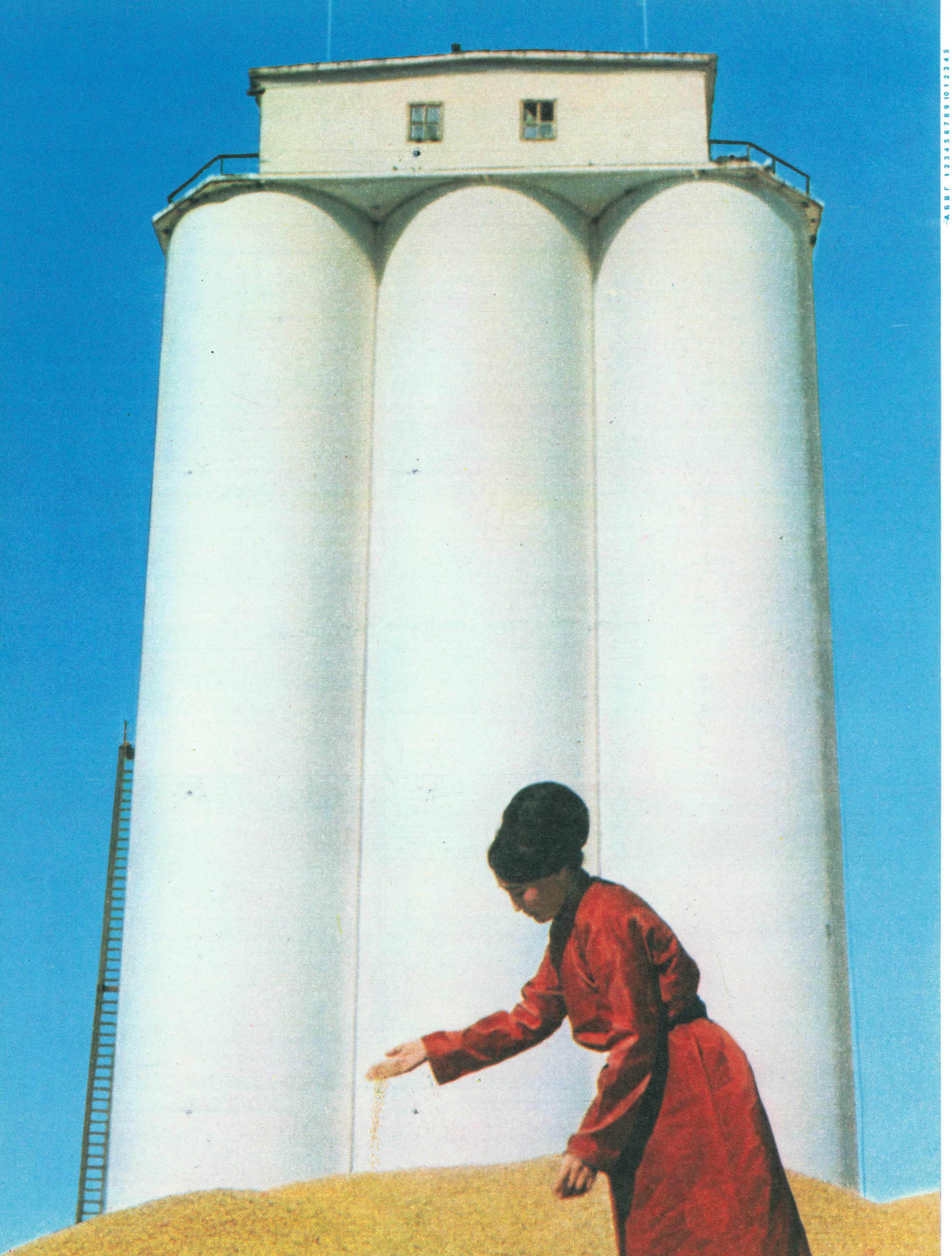
В долинах Монголии

Осенняя пахота в госхозе «Алтан-Булаг».

Уходят в степь провода Дарханской ТЭЦ.

Д. ПУРЕВДОРЖ

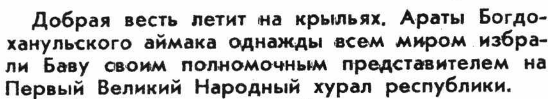
НА ПЛОЩАДИ СУХЭ-БАТОРА

Вечерняя площадь,
Как степь под лучами заката,
Последние отблески света
И синий поток полумглы...
Навстречу рассвету
Летит на коне Сухэ-Батор,
И топчут подковы
Угластый обломок скалы.
Гудящая бронза
Едина с гранитною плотью,
Вокруг голубеют просторы
Монгольской земли,
Звенят, словно струны,
Натянутые поводья,
Стрела горизонта
Мерцает в далекой дали...
Во властном движении —
Сила, упорство и воля.
Торопится всадник.
Победно простерта рука.
Монголия наша,
Ясна и светла твоя доля,
И флаг революции
Гордо простерт сквозь века...
Вечерняя площадь,
Как озеро, голубовата,
Над ним опрокинулась куполом
Звездная высь.
Навстречу грядущему
Мчит на коне Сухэ-Батор,
Гранит монумента
Над зыбью озерной навис.
Крута и прекрасна
В грядущее эта дорога,
Стремителен всадник —
Попробуй его обогнать...
Четыре проспекта —
Четыре людские потока —
Вливаются в площадь,
Как реки в озерную гладь...
Вечерняя площадь.
Вечерняя площадь столицы.
Здесь столько друзей,
И слова и сердца горячи.
И отблески времени
На человеческих лицах,
И в каждой душе —
Нашей радостной правды лучи.
И где бы я ни был —
Храню я надежно и свято,
Великая площадь,
Твой образ, пленивший меня...
Навстречу грядущему
Мчит на коне Сухэ-Батор,
Навстречу рассвету,
Навстречу сиянию дня!

Перевел с монгольского
Яков БЕЛИНСКИЙ.

БАВУ — СЫН АРАТА

Ж. ДАМДИНДОРЖ,
ответственный секретарь
журнала «Монголия»

Добрая весть летит на крыльях. Араты Богдо-ханульского аймака однажды всем миром избрали Бавѵ своим полномочным представителем на Первый Великий Народный хурал республики.

Он был арат, сын арата. Ему оказали огромное доверие, и Баву несказанно радовался. Всего несколько лет назад такое ему даже в голову не пришло бы. С тех пор как Баву помнит себя, его отец и мать день и ночь гнули спину на самой тяжелой и грязной работе у богатого помещика Дондога. Длинными зимними ночами отец охранял табуны Дондога в огромной степи. Мать, весь день занятая работой в доме помещика, только поздней ночью возвращалась в холодную юрту, не имея сил даже разжечь очаг и согреться. Кроме Баву, в семье росла куча братишек и сестер, и мальчик с отрочества не знал, что значит родительская забота и ласка. Отец уезжал частенько с караваном помещика, и месяцами от него не приходило вестей.

Баву втайне гордился своим отцом, потому что отец ездил по недоступным, далеким местам. И почему-то ему казалось, что Дондог-тайджи тоже обязательно должен уважать отца. И не мог Баву понять, почему отец низко склонял перед ним голову.

Мать часто плакала, глядя на своих детей.

— Что же с ними будет, когда нас не станет? Ждет ли их хоть что-нибудь светлое в жизни?

Так тянулись чередой дни и ночи, ничем не отличавшиеся вчерашние от сегодняшних и сегодняшние от завтрашних. Шли годы. Баву исполнилось 15 лет, когда тяжело заболела его тетка Нина. Она собралась лечиться в Ургу, и Баву был отправлен с ней. Так стал он жить в Урге и учиться грамоте у писаря Номхона. Началась новая жизнь Баву.

... И вот он опять едет в Ургу — на Первый Великий Народный хурал. Едет верхом, меняя коней. Горы и степи покрыты толстым слоем снега, слегка вьюжит, но Баву не чувствует мороза. Сидя в седле чуть боком, как все монголы, он думает о том, что было вчера, что будет завтра.

Кончилось тревожное время. Сейчас все перешло в руки народа. Самое главное теперь защитить завоеванное. Достижения народной революции необходимо охранять как зеницу ока. Правильно говорят, что в деле надо проявлять выдержку, а в счастье — бдительность. Он вспоминал встречи с Сухэ-Батором в 1922 году.

Раньше, до революции, Сухэ-Батор и его жена Янжима часто бывали у писаря Номхона. Там и познакомился с ними Баву и быстро подружился. Сухэ-Батор говорил о том, что феодалы продали родину, он объяснял, что для освобождения Монголии надо объединить все силы. «Прекрасный человек Сухэ-Батор,— думал Баву.— Несгибаемая воля, бесстрашие, острый ум, простота».

Да, сейчас наступили справедливые времена. 1920 год, когда Баву был писарем и письмоводителем в хошунной районной канцелярии, представлялся ему сейчас холодным и мрачным сном. Урга была окрашена в пепельно-серый цвет от мундиров заполнивших ее гоминдановцев. Они опустошили город, убивали и грабили жителей. Их тоже смела народная революция. После победы народа Баву уехал в родные края и продолжал свою службу в хошунном правлении. Он сразу поверил в новую власть, которая принесла свободу и счастье бедным, простым людям, и поклялся служить ей верой и правдой.

В 1922 году Баву вступил в партию. И вот сейчас он едет в город избранником народа на хурал.

В Урге делегатов встречали с большим почетом. Их поместили в большую десятистенную юрту, специально для них построенную. Делегатов легко было узнать по одежде. Здесь были молодые представители всех народностей Монголии. На белых и синих дэли делегатов алели красные банты. На хурале обсуждались важные вопросы: как улучшить жизнь народа, как облегчить труд аратов?

В перерывах между заседаниями слышалось:

— Да, теперь не то, что было раньше, когда мы не смели даже обратиться к хозяину. Сегодня мы слушаем отчет о работе правительства. Теперь мы сможем сами решать свою судьбу!

Великий хурал провозгласил рождение Монгольской Народной Республики, он принял первую конституцию, утвердив успехи, завоеванные в боях. В ней были определены права и обязанности граждан МНР. Земля и ее богатства были объявлены всенародным достоянием, собственностью государства.

Двадцать дней, проведенные в зале заседаний, стали для Баву незабываемыми.

Пришло время возвращаться из Улан-Батора (в те дни Урга была переименована в Улан-Батор), чтобы рассказать людям о решениях хурала.

Баву с жаром принялся за работу. Но не все шло так, как хотелось и виделось ему. Новая жизнь не всем пришлась по вкусу. Враги распространяли слухи о Баву. «Это опасный человек, он связался с красной партией, и он идет против бога. От того, кто с ним дружит, отвернется счастье».

Победил этих болтунов сам Баву. День и ночь он работал, и люди увидели: он старается для их блага.

...За минувшие годы коммунист Баву был агитатором и пропагандистом, руководил первой телефонной станцией. Он был начальником сомона, председателем кооператива, главным редактором газеты «Ундэсний эрх». И сейчас, на вершине своего восьмидесятилетия, он оглядывается на жизнь, прожитую с пользой для людей. И хорошо становится на душе при мысли, что в достижениях страны есть и его труд.

Свежее зерно. Секретарь партийной организации мукомольного комбината Д. Ичинхорло у элеватора.

Л. ТУДЭВ,
депутат
Великого Народного
хурала, председатель
Союза писателей Монголии.
лауреат
Государственной
премии МНР

ДРАГОЦЕННАЯ НИТЬ

Монгольский народ торжественно встречает славный пятидесятый день рождения народной республики на своей древней земле. Нам, сыновьям новой Монголии, посчастливилось жить и творить в первом веке ленинской эры, под лучами солнца Октябрьской революции. Накануне этого замечательного праздника хочется выразить свои сокровенные думы о наших друзьях — советских людях, чья верность в дружбе проявляется в больших и малых делах нашей родины.

За последнее полустолетие Советский Союз стал символом величайшего подвига во имя счастья и свободы всего мира. Беспримерная деятельность великого мыслителя-революционера Владимира Ильича Ленина; построение светлого здания социализма; спасение человечества и его тысячелетней культуры от фашизма; успешное строительство коммунистического общества... Да разве перечислишь все, чем обязаны честные люди планеты героическому, великодушному, талантливому советскому народу!

Социалистический строй открывает небывалые возможности для развития всех способностей человека. Свет революции, зажженный Лениным, озаряет путь, по которому идет монгольский народ.

Преисполненный знаниями учитель
Ленин
Нам, темным кочевникам, принес
свободу —

поется в народной монгольской песне первых лет нашей революции.

Велика и щедра помощь Советской страны, но столь же признательно сердце нашего народа, хранящего братскую верность своему другу. Советский человек является прообразом нового человека коммунистического общества. В первые годы становления МНР советский доктор П. Н. Шастин был командирован в Монголию, где тогда еще царили мрак и невежество. Суеверные люди убегали от врача, ламы обрушивались на него с проклятиями. П. Н. Шастин заболел брюшным тифом, заразившись от одного из своих монгольских пациентов, но преодолел недуг и продолжал выполнять свою добрую миссию. Более того, по стопам П. Н. Шастина пошли сначала его сын, а затем и внук. Три поколения Шастиных провели в Монголии лучшие свои годы, внедряя достижения современной медицины. Советские люди совершали настоящие подвиги. Врач Л. С. Соболева, рискуя жизнью, осталась одна с ребенком, родители которого погибли от чумы, и была с Увгуном Бургэдэм до тех пор, пока он не выздоровел. Таков характер советских людей! Подобных примеров можно привести много.

У священных истоков нашей дружбы стояли вдохновенный Ленин и великий сын Монголии Сухэ-Батор. Тепло их рук согревает драгоценную нить нашей дружбы. Она вечна, как сама жизнь, щедра, как само солнце!

ТОПОЛЬ НАД С

Л. СОДОВ

РАССКАЗ

Мы ехали верхом с дядюшкой Лувсаном по местам, где я не бывал с детства. Как не навестить родню, если давненько ее не видывал?

Солнце клонилось к закату, когда мы на взмокших лошадях добрались до Селенги. Под закатными лучами речная гладь то отливала расплавленным металлом, то принимала кроваво-красные оттенки. Багряные волны подмывали прибрежную кручу; казалось, она удерживалась над стремниной лишь корнями могучих тополей, взметнувшихся на ее склонах. Под одним из деревьев у края обрыва зеленели два продолговатых холмика.

— Уж не могилы ли это?— спросил я.

Дядюшка Лувсан сумрачно промолчал, а потом глянул на меня с нескрываемой укоризной.

— Только по молодости твоей простительно спрашивать об этом — не ведаешь того, что в памяти навсегда зарубить надобно. Когда здесь случилась беда, тогда эти тополя были не толще тростинок. И гнулись они под ветрами, грозовыми, военными...

Прост был рассказ старика — так проста бывает только правда.

* * *

Остатки недобитых белогвардейских банд стремительно откатывались к Селенге. Лувсану и его другу Самдану предложили стать проводниками двух отрядов — монгольского и советского. Самдан попал в красноармейский отряд, начальником которого был видный русоволосый человек. И фамилию он носил громкую — Орлов. Когда Самдана позвали в его палатку, начальник поднялся навстречу, подал руку, а потом кивнул в сторону чуть пригнувшегося под пологом палатки дюжего красноармейца:

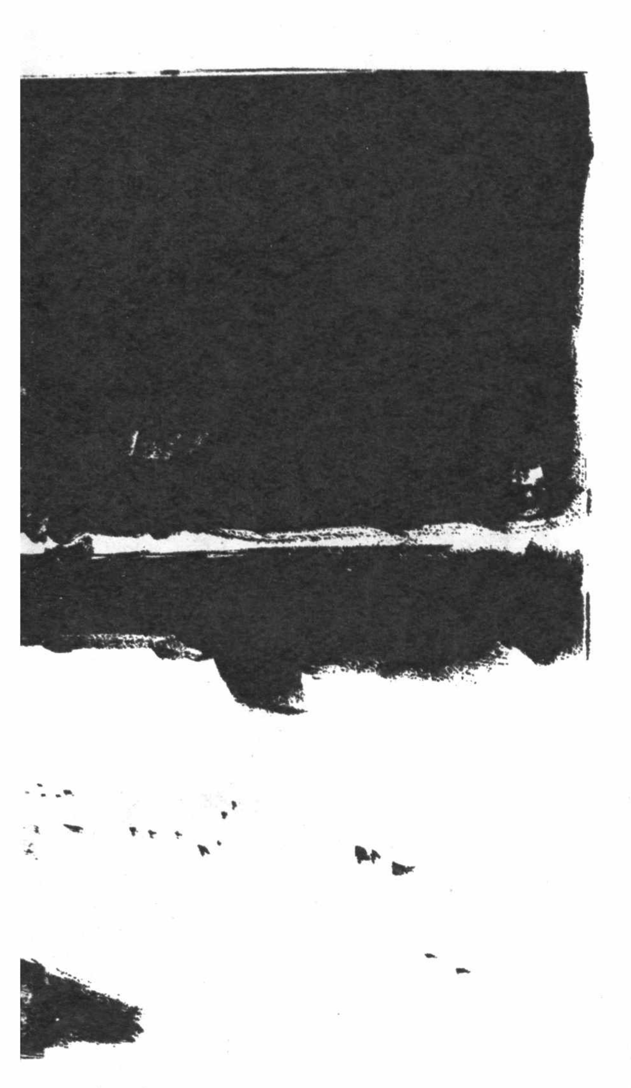
— Знакомься, друг. Это Андрей, он пулеметчик. Может, станешь у него вторым номером! Помощником, значит...

Самдан покосился на Андрея, который выпрямился, словно хотел поднять могучими плечами палатку. Но глаза пулеметчика светились доброй голубизной Селенги. Наверное, потому и ладонь его величиной с лопату не показалась Самдану такой уж жесткой.

Так и стал нежданно-негаданно проводник-монгол еще и вторым номером у русского пулеметчика Андрея. И вместе с ним звался с тех пор бойцом шестой роты большой воинской части славного красноармейского командира Щетинкина.

Самдан вел отряд по малоприметным, звериным тропам, которые он один мог различить среди беспорядочного нагромождения камней и скал, скрюченных и низкорослых, но цепких кустарников. От жестких веток у бойцов рвались гимнастерки, на острых камнях разлетались в лохмотья сапоги. Даже привычные монгольские лошади выбивались из сил.

Но вот звучала долгожданная команда: «Привал!» Красноармейцы спешивались и, жадно напившись студеной селенгинской воды, пластом валились на нагретые камни, мгновенно засыпали. И как только поднимала их на ноги новая команда: «Подъем! Оружие готовы!..»— с упорством и терпеливостью, кото-

ЕЛЕНГОЙ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

рые до сих пор Самдан знал лишь в крестьянском труде, бойцы принимались чистить винтовки, покрывавшиеся налетом тонкой каменной пыли. И он с Андреем, выбрав укромное место, приноровился разбирать поблескивающие части пулемета, готовый надраивать их до сияния чуть ли не рукавами собственной одежды.

Однажды, когда они занимались этим привычным делом, Андрей ни с того ни с сего спросил:

— А у тебя жена есть?

Самдан не знал, что ответить. Была у него в селении девушка, обещала ждать, да вот отец у нее известный богатей. Поди-ка сунься к нему! Наверное, поэтому Самдан ответил вопросом:

— А у тебя?

Заволоклись глаза Андрея, словно Селенга утренним туманом. И как-то не по себе стало Самдану. Может, и не очень умело, но поторопился он переменить разговор:

— Знаешь, у меня аарул есть. На, Андрей, отведай. Жажду как рукой снимает...

Пулеметчик недоуменно повертел в руке ломтик аарула, сунул в рот. Слова Андрея падали медленно, как камни с обрыва в реку:

— Есть у меня, Самдан, и жена — Аней зовут — и сынишка. Давно их не видел. Что с ними — не знаю. Вот кончится война, поскачу домой на коне, пулей полечу... Отыщу своих обязательно!..

Защемило сердце у Самдана. Подумал он: «Тоскует по близким, видать... Еще бы, кто же не любит детишек? Взять хоть моего отца, ради сына на все готов... Скорей бы кончалась эта проклятая война. Освободим монгольские края. Тогда и он, Самдан, свою невесту отвоюет».

О разном думали пулеметчик и его подручный. Почему-то не сама Аня Андрею вспоминалась, а запах нагретой солнцем земли и созревших колосьев, которые отводила рукой жена, когда шла с сынишкой через поле...

— Ста-ано-вись!— прокатилось из конца в конец отряда. Андрей и Самдан, подхватив пулемет, подбежали к строящимся кавалеристам.

Когда отряд, переправившись через реку Эгин-гол, стал карабкаться на Хантайский перевал, галопом прискакал гонец от разведчиков. На ходу соскочив с коня, он подбежал к Орлову и доложил, что белогвардейские отряды свернули на север, но попали под удары частей Красной Армии и теперь откатываются к границе. Их цель: форсировать Селенгу и прорваться в Маньчжурию.

Спешно собравшиеся командиры вынесли решение: отряду разделиться, одной части двигаться вверх по Селенге на перехват противника, другой — более многочисленной — перевалить через горный хребет и устроить белым засаду.

Впереди шестой роты поспешали Самдан и Андрей, ведя на поводу лошадь с приторороченным пулеметом. Вскоре они достигли Селенги, но тут донеслась команда: «Стой!» Навстречу скакали бойцы головного дозора. Они сообщили, что отряд беляков — числом не более роты — готовится переправиться через реку у ближней излучины. Орлов тут же отдал приказ:

— Ни один враг не должен уйти живым. Если же кому-то удастся одолеть Селенгу — преследовать вплоть до засады...

Вскоре показались и первые группы неприятеля. Столпившись у берега, они о чем-то совещались. Но по взмаху руки командира раздался залп красноармейцев, разметавший врага по прибрежной кромке. Поняв, что они прижаты к реке, всадники в панике кинулись вплавь через стремительную Селенгу. И тут-то заговорил пулемет Андрея и Самдана, укрытый за одиноким топольком. Пулеметные очереди косили беляков, не успевавших отстреливаться. За уцелевшими врагами следом устремлялись красноармейцы, пропадая в кустах по ту сторону реки.

Андрей с Самданом тоже готовились к переправе, когда за их спиной внезапно послышались топот и крики. Видно, какая-то часть белогвардейского отряда отстала и теперь напролом рвалась к Селенге — только за ней они могли спастись.

Мигом развернули свой пулемет Андрей и Самдан и полоснули длинной очередью по накатывающейся лавине. Она редела на глазах. Но пулемет ударил раз-другой, лента оборвалась — патроны иссякли...

Без слов поняли друг друга русский и монгольский бойцы. Выплюнув потухший окурок самокрутки, Андрей потянулся к пулемету, чтобы снять замок, но тут же схватился ладонью за плечо — сквозь пальцы сочилась кровь. Бросился к нему на помощь Самдан, но и его простреленная рука безжизненно повисла. Тогда, опираясь друг на друга, поднялись они вдвоем во весь рост, а в свободной руке Андрея все-таки оказался сорванный замок — пальцы пулеметчика сжимали его намертво.

Враги с гиканьем приближались. Но шаг за шагом, поддерживая один другого, отступали к обрыву красноармейцы. Когда беляки подступили к ним почти вплотную, Андрей и Самдан, словно слившиеся воедино, бросились с кручи в водоворот...

* * *

— А потом вернулись из победного похода монгольские и советские бойцы,— закончил свой рассказ дядюшка Лувсан.— Тогда и появились на круче два этих могильных холма...

Он замолк, мне же виделось: словно в почетном карауле стоит могучий тополь, а под обрывом течет Селенга, окрашенная закатом. И кажется, что она теперь того цвета, какой стала в минуты гибели двух бойцов. Смешалась в ней кровь монгола и русского, кровь же в них была одного цвета — красного...

Перевел с монгольского О. ЗВЕРЕВ.

Б. ЯВУУХУЛАН

Первый снег

Солнце ярко вливалось сквозь прорезь окна...
Поздней осенью крепко и сладостно спится.
Но лучи, как ключи, разомкнули ресницы —
Я стряхнул неподвижную сладостность сна...

Краски били в глаза. Все лучилось кругом.
Так скорее на волю из комнаты душной,
Чтобы жажду насытить прохладным питьем,
Родниковым, прозрачным напитком воздушным!

В сердце — свежая радость разбуженных сил,
Низвергались на землю дожди световые,
Этот мир первозданный я жадно любил,
Словно дверь в этот мир отворил я впервые.

Небо синью сияло бездонной, сквозной,
И ни тучки в просторе его бесконечном,
А земля ослепляла глаза белизной,
Как невеста в уборе своем подвенечном.

Словно в мире, что был так неслыханно нов,
Только две у художника сочные кисти,
Только два — и других не осталось цветов —
Только синий и белый, нетронуто чистый...

Первый снег! Первый снег! Первый утренний гость!
Я навстречу ему выхожу этой ранью
И к лицу подношу белоснежную горсть —
Снег подтаял и чуть потемнел от дыханья.

Первый снег первых зимних сияющих дней!
И казалось, над ним еще выше, и краше,
И светлей, и неслыханной сини синей
Небо нашей отчизны, Монголии нашей!..

Перевел с монгольского
Яков БЕЛИНСКИЙ.

Д. ТАРВА

Сибирская тайга

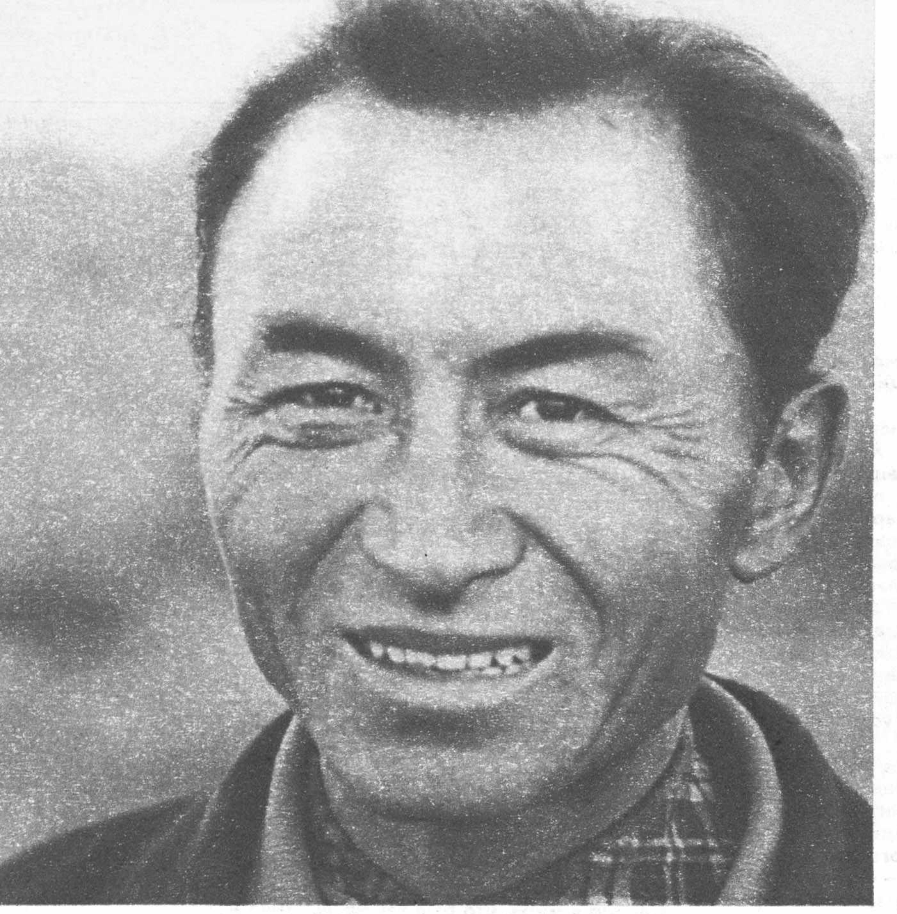
На стыках стучат колеса,
А в сердце тайги голоса.
И машут приветно с откосов
Ее вековые леса.

Вот солнце склонилось к закату,
Спустилась на мир тишина,
И поезд, тайгою зажатый,
Запел, как стальная струна.

Люблю ее долы и воды,
Недаром сдружился я с ней.
И друг мой сибирской породы,
А лучше не сыщешь друзей.

И с запада и с востока
Попробуй измерь ее ширь...
Летит над планетой высоко
Зеленою песней Сибирь.

Перевел с монгольского
Евгений АНТОШКИН.

Цэвэн — Герой Труда МНР.

Н. ХРАБРОВА,
фото А. БОЧИНИНА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

У Л И

Петляет в падях река Шарын-Гол, желтая от желтых цветов, растущих в ее пойме. У цветов крупные съедобные корни — клубни. По законам религии священной была эта земля, ее нельзя было ни копать, ни вспахивать. Однако жили здесь люди других обычаев, позволявших нарушать заповедное. Выкапывая клубни, они находили в земле черные камни. В очаге они ярко горели и наполняли фанзу долгим, приятным теплом.

В давние времена в стойбище на Шарын-Голе жила одинокая старушка. Однажды она пошла в фанзу к богатому соседу за хворостом. А там горели черные камни, она попросила их для себя. Богатый человек ответил, что аратам запрещено жечь эти камни, иначе наступит смерть. Старушка, тоскуя по теплу, все-таки принесла их в юрту и жгла, пока не стало жарко. Она уснула навсегда в угарном тепле с закрытым дымоходом. И на долгие времена страх перед черным камнем охватил стойбище Шарын-Гола.

Эту легенду — или быль?— рассказал нам Гуринчин, собкор газеты «Унэн» в Селенгинском аймаке. Как в капле воды отразилась в ней беда, причиненная Монголии религиозным фанатизмом феодалов. Эту беду отбросило время — сразу, как только народ стал хозяином своей родины.

Монголия была первой страной, признавшей и принявшей принципы Советской России. В Великую Отечественную войну в помощь фронту Монголия посылала нам тысячи и тысячи своих длинногривых коней, овчину, мясо и все, чем она могла нам помочь.

Мы это помним, Монголия.

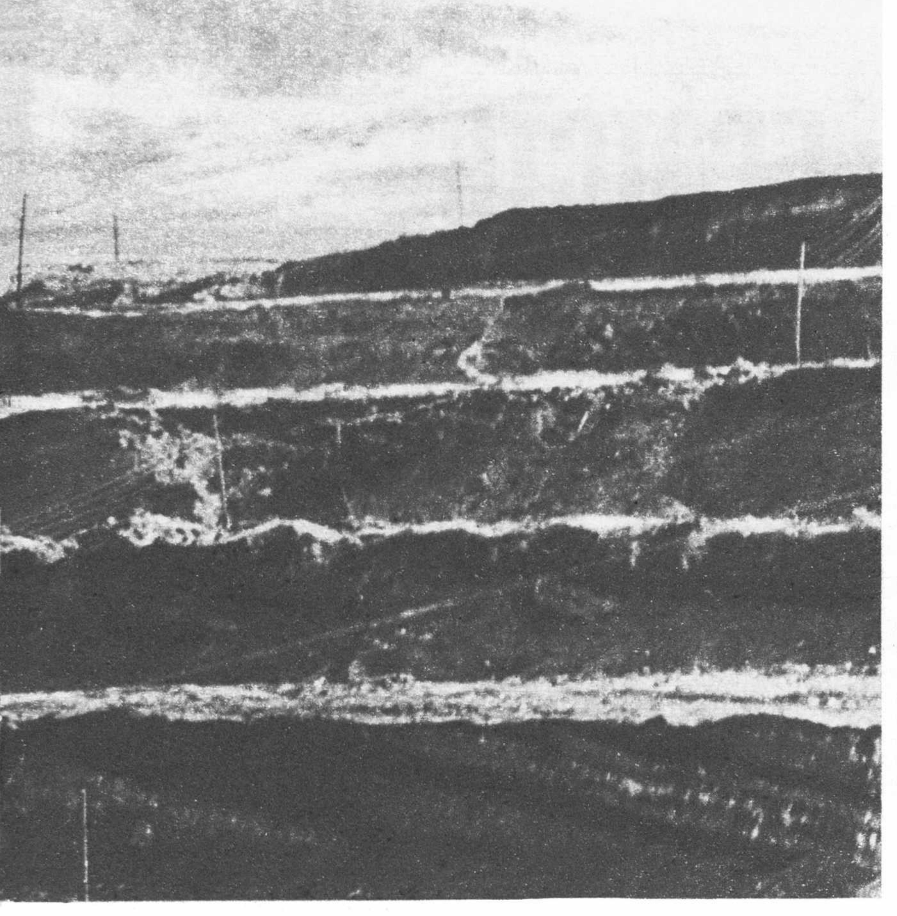
...В одном из музеев Улан-Батора мы видели картину художника Шарава «Один день жизни Монголии». На полотне почти топографически изображены холмы, распадки, излучины рек. Контуры монгольского ландшафта были нужны художнику как рамки к отдельным рисункам — сюжетам из монгольской жизни. На склонах холмов скотоводы пасут свои стада. В падях расположились редкие стойбища, у юрт идет обычная жизнь: кто-то варит обед, кто-то нянчит ребенка. В столице Урге — теперешнем Улан-Баторе — у монастыря молятся ламы. Картина написана в 1912 году. А жизнь в Монголии была точно такой же и сто, и двести, и триста лет до этого.

И вот мы встречаем новый день на севере Монголии, один день 1974 года, по древнемонгольскому летосчислению — года Зеленого Тигра.

Снег идет. Белой сеткой накрыт огромный черный зев угольного разреза Шарын-Гол. Монгольские горняки добывают свой черный камень передовым в современной угольной промышленности вскрышным способом.

Мы знаем, что в стране совместными монгольско-советскими экспедициями обнаружено сто пятьдесят месторождений угля. Запасы его огромны. Следовательно, огромно энергетическое и химическое будущее республики. Шарын-Гол нынешний мощностью в один миллион сто тысяч тонн в год дает почти половину монгольского угля для энергетики, для промышленности, для обогрева городов и стойбищ. Проектные работы ведет «Ленгипрошахт», разрез оснащен советским оборудованием, работу налаживали здесь сто советских горняков-специалистов, удобный, светлый поселок создали советские строители.

Молод Цулунбат — всего восемь лет назад он окончил геологический факультет Улан-Баторского университета,— а уже работает главным геологом Шарын-Гола. Еще моложе Жамьян, главный технолог, по профессии он горняк-открытчик, закончил горное отделение Иркутского политехнического института. От взаимопонимания и взаимодействия этих инженеров во многом зависит процесс добычи. Главный геолог дает главному технологу сведения о состоянии пласта — характеристику его толщины, калорийности, угла падения. В соответствии с этим главный технолог со своим отделом планирует расстановку машин и людей. Как одолеть им, таким юным, черную уступчатую махину Шарын-Гола? Но у них нет и следа сомнений в своих силах. Цулунбат и Жамьян захвачены индустриальным взлетом своей страны. По опыту наших первых пятилеток мы знаем, что это значит. Вот и здесь, на Шарын-Голе, работа организована хорошо и точно. Разрез рентабелен, он окупился уже в первые годы. Скоро его проектная мощность будет удвоена, в 1978 году Шарын-Гол выдаст на-гора два миллиона пятьсот тысяч тонн. В Улан-Баторе и Москве, в Ленинграде и Иркутске

Угольные этажи Шарын-Гола.

В рейс!

ГЕР

учатся новые монгольские горняки — рабочие и инженеры. Сейчас на Шарын-Голе уже не сто, а только двадцать три советских специалиста — монгольская молодежь сама быстро овладевает непростым горным делом.

Цэвэн работает на буровой установке — помогает определять пласт. Предыдущую пятилетку он выполнил за два с половиной года и снова взял почти такие же обязательства. В прошлом году за победу в социалистическом соревновании Цэвэн удостоен звания Героя Труда МНР. Когда он приходит на буровую, первым делом сбрасывает куртку: она мешает ему, жарко в ней. Может, кому-нибудь было бы и не жарко на холодном ветру, Цэвэну жарко — так он работает.

Мы видели здесь советские угледобывающие машины. На лицах молодых монгольских горняков упоение от власти над могучими механизмами — так же, как когда-то на лицах их дедов было упоение от власти над укрощенными степными лошадьми.

* * *

Совсем недавно здесь были пастбища, небольшие поля пшеницы да поселок из мазанок и юрт. Сейчас тут город, и от него разбегаются по холмам выкрашенные в красный цвет опоры ЛЭП.

Имя Лхагва по-русски значит Среда. Ничего удивительного — девочку назвали так потому, что она родилась в среду.

Лхагва знает русский язык. А еще лучше она говорит по-болгарски, потому что своей профессии закройщицы Дарханской овчинно-шубной фабрики она училась в Болгарии.

Так как Лхагва примерно вдвое старше своего города, а городу ровно тринадцать лет — он заложен в октябре 1961 года, то девушка помнит, как он встал на холмах, распрямился и засветился — белый и многоэтажный. Как удивительно журчала в кранах и булькала в радиаторах горячая вода! Как радостно было бегать в кино и на стадион! Как интересно покупать на вокзале билеты в далекие края!

Дархан, город по имени Кузнец, вырос на глазах Лхагвы, она выросла вместе с ним и переняла его характер. Из бывшего сомона, почти прямо из юрты ехать учиться в Болгарию? Пожалуйста, прекрасно — ведь Лхагва же знает, что в Болгарии ее встретят друзья. Ехать в Киев на спортивные соревнования, в которых участвуют восемь стран? Чуть-чуть страшновато, конечно. Но неда-

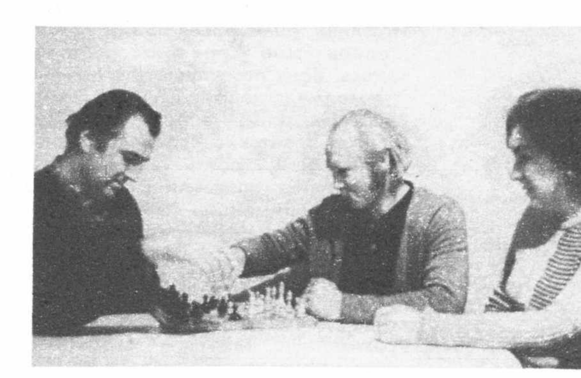
Йожеф Хашко и Иштван Тоот — венгерские рабочие.

— Таким будет Дархан,— говорит товарищ Дамдин, председатель городского исполнительного управления хурала народных депутатов.

Роман Пруха, горный инженер из Чехословакии.

Партия в шахматы по-польски в Дархане: Пшемыслав Шмит, Станислав Хавачек и Зофья Шмит.

Семья Мухиных.

ром же Лхагва ревсомолка. Она и сандружинница и одна из лучших теннисисток Дархана. Это ведь кое-что значит! И Лхагва едет в Киев на соревнования и занимает там пусть не первое, но все же призовое — третье место.

А уж если говорить о работе, то работа Лхагвы так на виду, что виднее некуда: на экспорт во многие страны мира идет главная продукция овчинно-шубной фабрики — легкие и теплые шубки-дубленки. Налаживали производство дубленок в Дархане болгарские меховщики. Перед отъездом домой они говорили: «Теперь монгольские специалисты прекрасно справятся сами, они отлично освоили все». Еще бы не освоить! Сколько Монголия существует, столько монголы носят дубленые шубы. Веками шкуры обрабатывались у каждой юрты. Теперь же процесс дубления сосредоточен в современных фабричных цехах, механизирован, и тут уж каждому понятно, насколько это лучше.

Монгольские специалисты не только прекрасно освоили иностранные машины, но и придумали свою. Собственно, изобрел этот станок для резки меха один человек — мастер цеха Пурэвжав, а работать на нем умеют все. Раньше мех обрезали ножницами, вручную, и насколько машина Пурэвжава ускорила работу, даже трудно сказать: там, где было занято много людей, управляется теперь один. А Пурэвжав снова коечто придумал: из обрезков меха кроит теплые зимние попоны для скота, подушки, безрукавки. Ни один обрезок не пропадает.

Этот год принес Дарханской овчинно-шубной фабрике две золотые медали на выставках в Пловдиве и в Лейпциге. Дархан становится знаменитым.

— Знаменит он, конечно, не только дубленками,— рассказывает председатель Дарханского городского исполнительного управления хурала народных депутатов товарищ Дамдин. — Я прежде работал в Госплане республики, планировал этот город. Теперь мне приятно работать здесь. Ведь по сущности своей он, по-моему, непохож ни на какой другой город на земле. Вот послушайте: советские специалисты помогали нам строить ТЭЦ, наш мясокомбинат построен с помощью Венгрии, цементный завод создан совместно с Чехословакией, а силикатно-кирпичный — с Польшей. Недавно на месте крупного месторождения монгольские и советские специалисты снова начали совместную работу — строительство медно-молибденового комбината «Эрдэнэт». По советскому проекту строится у нас в Дархане политехнический институт и театр. Растут новые жилые районы — их проектировали ваши советские архитекторы. Дархан — это частица комплексной программы СЭВ, пример социалистического содружества наций. Именно так, по-деловому и творчески, должны дружить народы. Так должны жить люди на земле!

* *
*

...Они входят в Дарханскую гостиницу и из вестибюля растекаются в два ее больших крыла. В одном живут, часто меняясь, гости Дархана, а в другом... Как же назвать тех, кто живет в другом?

Стучим в одну из дверей, нам отвечают по-монгольски «войдите», входим — и знакомимся с двумя венграми. Иштван Тоот — плотник, это он говорит по-монгольски. Йожеф Хашко — столяр, он говорит по-русски, скорее даже по-украински:

— Нам с Иштваном тут дюже по нраву. Люди гарны, тай силнца богато.

Три года работали друзья на разных стройках в Улан-Баторе и здесь, в Дархане. Рассказав нам об этом, они берут аккуратные деревянные ящички с инструментами и уходят — начинается их смена на одной из дарханских новостроек.

Следующую дверь открывает высокий человек в зеленом свитере и спортивных башмаках.

— Роман Пруха, горный инженер из Чехословакии,— представляется он.— Работаю на карьерном хозяйстве Дархана, оттуда идет известняк для цементного завода. Что успел сделать? Сделал разведку карьера, разработал некоторые специальные вопросы добычи руды. У меня в Дархане есть добрые друзья — инженеры Бальжиням, Даштондок и Сайхо. Монголия оказалась более заманчивой, чем я представлял. Вот посмотрите — коллекция редких камней из Гоби: где еще найдешь такие? Мне очень нравится путешествовать, узнавать новые страны. А когда знаешь, что приносишь людям пользу, жить хорошо.

Варшавянин Пшемыслав Шмит — механик, в Монголии второй раз. Первый раз он вел здесь монтаж оборудования. Монголия и польский механик понравились друг другу. За хорошую работу Пшемыслав был награжден монгольским орденом «Полярная Звезда». В тот раз он много ездил по стране, охотился, рыбачил. «А потом в Варшаве у меня было такое чувство, словно все чего-то не хватает — до тех пор, пока мне не предложили приехать сюда вторично». И вот он снова здесь работает на эксплуатации оборудования, которое сам монтировал в первый приезд.

Светлана Михайловна и Юрий Иванович Мухины тоже старожилы Монголии: и они приехали сюда второй раз.

— Муж — шофер у геологов,— рассказывала Светлана Михайловна, — а я работаю воспитательницей в детском саду. Мы оба любим эту страну. Нынче мы здесь всей семьей, с детьми. Миша учится в седьмом классе, трехлетний Валерка ходит в детсад. А теперь прошу к столу, я сейчас позову соседей в гости, вот мы и поговорим.

И все так и было — пришли соседи, и мы долго слушали рассказы о Монголии, о дружбе и о том, что непоседами жить интересно.

Я слушаю и пытаюсь представить себе, как мог бы теперь написать картину «Один день Монголии» художник Шарав. Все те же холмы, распадки, излучины рек. Только у людей другие дела. Шараву пришлось бы рисовать, как на Шарын-Голе люди добывают уголь, в Дархане строят заводы. В Хурэл-тоготе изучают протуберанцы; в Улан-Баторе занимаются в лабораториях; в Харахорине исследуют древнюю архитектуру; в Гоби делают химические анализы костей доисторических животных. Всюду учат детей. Всюду строят дома. Всюду создают новую Монголию.

Вот почему мне захотелось назвать этот репортаж монгольским словом «улигер»— рассказ о подвигах.

БРАТСТВО

В мае 1939 года японские войска внезапно вторглись в пределы Монгольской Народной Республики. Верные союзническому долгу, советские воины выступили на помощь монгольским друзьям. Шли издалека — по пустыне, бездорожью.

Наша рота получила боевую задачу — проложить маршрут для танковой бригады, выйти к Халхин-Голу в 80 километрах северо-восточнее Тамцак-Булага и построить мост.

На исходе дня 27 мая мы увидели Халхин-Гол. И вот застучали топоры, заскрежетали пилы, заухали кувалды, затарахтели компрессорная и электрическая станции. Уже стемнело, когда из подвезенных телеграфных столбов были заготовлены детали моста и началась сборка.

Советским воинам приходилось подолгу стоять в холодной воде. Быстрое течение валило с ног, но к концу ночи мост был готов.

Занималось солнечное утро 28 мая. Японские захватчики, отброшенные монгольскими пограничниками, подтянули свежие силы и, используя танки, артиллерию и другую технику, вновь начали наступление. На рассвете послышался нарастающий гул вражеских самолетов. Раздались взрывы, у только что построенного моста застрекотали пулеметы.

Вспыхивали короткие рукопашные схватки то у одного, то у другого нагретого солнцем песчаного бархана.

Враг, чувствуя свое численное преимущество, ожесточенно наседал. Наше положение становилось все более критическим. И вот почти рядом послышалась пулеметная очередь. На мгновение мы оторопели: я знал, что у нас, саперов, пулеметов не было. Осмотревшись, заметил двух монгольских цириков со станковым пулеметом. У одного на голове была окровавленная повязка, рука забинтована. Он показывал на пулемет и что-то кричал.

Решив, что цирик не может вести огонь, я подбежал к нему, лег за пулемет. Но он, отстраняя меня, замотал головой. Значит, не то делаю... Оказалось, для охлаждения пулемета нужна вода. Отдал свою фляжку и фляжку находившегося рядом красноармейца. Через минуту пулемет цирика снова застрочил.

Вскоре к нам подошло еще несколько монгольских солдат. Стало легче. Это были пограничники 7-й погранзаставы, которой командовал командир П. Чогдон.

Спускались сумерки первого фронтового дня. Но бой не утихал. Свистели трассирующие пули, вспыхивали ракеты. Нервное напряжение превосходило физическую усталость. С тревогой думалось: лишь бы хватило сил у людей, всю ночь трудившихся на строительстве моста, сменивших топоры на винтовки. И сил у советских солдат хватило.

На второй день подоспели советские мотострелки полка майора И. Ремизова. Но враг не отказался от своих намерений и подтягивал крупные силы.

Г. К. Жуков, назначенный командующим группой советско-монгольских войск, рано утром 5 июня прибыл в Тамцак-Булаг. В район боевых действий была направлена авиация. Среди летчиков были двадцать один Герой Советского Союза.

Особенно ожесточенным было сражение в районе горы Баин-Цаган. Здесь основную роль сыграли 11-я танковая бригада, 7-я мотобригада, 8-й монгольский бронедивизион. Они с ходу вступили в бой и беспощадно громили переправившегося через реку врага, не дав ему возможности окопаться и организовать оборону.

В те горячие дни нам часто приходилось наводить переправы через реки для ввода в бой новых сил, доставки боеприпасов, горючего, продовольствия. Задачи эти были не из легких. Мост у горы Хамар-Даба стоил нам огромного труда. Прежде чем навести его, пришлось срывать крутые спуски, устраивать серпантины на склонах горы и в обрывистых оврагах.

В самый разгар строительства налетели самолеты противника. Наши зенитчики открыли по ним огонь, сбили один, но все же бомбы обрушились на цель. Взметнулись фонтаны воды, река словно вскипела. Два понтона затонуло, и лишь ценой невероятных усилий удалось поправить дело.

Наконец, началось генеральное наступление наших войск. На рассвете 20 августа советские самолеты появились над позициями противника. Они действовали согласованно с артиллерией, которая обрушила на врага мощный и точный удар. Советские пехотинцы, танкисты, монгольские конники — все устремились на врага.

После трехдневных боев основные опорные пункты противника были подавлены. 31 августа территория Монгольской Народной Республики была окончательно очищена от захватчиков...

В августе 1969 года отмечалось тридцатилетие со дня победы советско-монгольских войск на Халхин-Голе. В числе приглашенных на праздник был и я. Представители рабочих, члены правительства, члены ЦК МНРП во главе с Первым секретарем ЦК и Председателем Совета Министров Ю. Цеденбалом вместе с советскими делегатами побывали на местах прежних боев. Особо впечатляющим был митинг у памятника-обелиска воинам-героям Советской Армии и мужественным цирикам Монгольской народно-революционной армии, павшим в районе реки Халхин-Гол в боях за свободу и независимость монгольского народа.

Сейчас у этого памятника, символа нашего боевого братства, гуляет ветер, над ним парят степные орлы, у подножия течет река, неся свои воды с отрогов Большого Хингана в озеро Буир-Нур. В долинах монгольские крестьяне вырастили сады, шум которых сменил гул боя тридцатилетней давности.

Советские люди радуются успехам монгольских друзей. Поздравляя их с 50-летием III съезда МНРП и провозглашения республики, мы говорим: доброго пути вам, дорогие друзья.

К. ЯКОВЛЕВ

Москва

Июль 1939 года. Советские саперы наводят мост на Халхин-Голе

БЕРЕГ

Юрий БОНДАРЕВ

Рисунки И. ПЧЕЛКО.

Он тоже произносил тосты, пил, предлагал выпить еще, слушал стихи Вихрова, умилялся и голосом Вихрова и его совсем на днях написанной любовной лирикой, пронзительной, грустной туманностью ощущений двух людей, его и ее, что расстались осенью на вечернем полустанке, озаренном тлеющим над рельсами закатом, думал влюбленно, что несомненно и навсегда обрел сегодня друга, единомышленника, одинаково чувствующего, одинаково понимающего, и был одновременно переполнен неизбывной радостью: «Да, мы сидим здесь, а ведь напечатан мой рассказ, и впереди еще много будет рассказов!..»

В этом летнем немноголюдном кафе они сидели до сумерек и не переставая читали стихи, с жаром и страстью говорили о вечной магии точного слова («Слушай, слушай, какая простота и гениальность: «Звезда печальная, вечерняя звезда! Твой луч осеребрил увядшие равнины...». Или вот: «Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты...» Это же с ума сойдешь: «Передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты...» А ты вот вникни только: «Россия, нищая Россия, мне избы серые твои, твои мне песни ветровые — как слезы первые любви!» Написать такое — и помереть спокойно можно! Великая литература, мировые гиганты!»). Спорили, соглашались, перебивали друг друга, плакали, теперь повторяя наизусть волшебные строки любимой прозы («Тамань — самый скверный городишко из всех приморских городов России...»— вот удивительное начало рассказа, вот удивительное колдовство настроения! Лермонтов бесподобен! А Чехов — как он умел заканчивать свои рассказы! Помнишь фразу: «Мисюсь, где ты?»), опять произносили тосты, пили на десерт какой-то парфюмерно-сладкий ликер, запивали его кофе, объяснялись друг другу в любви, клялись в верности литературе, глаголу и эпитету, во взаимной мужской дружбе оставшихся в живых фронтовиков («Единицы нас, Вадим, остались, единицы!») и, наконец, будто вынырнули из тумана, опомнились — голубизна сумерек сгущалась в аллеях парка. Расплатились щедро и оба встали под насмешливый шепоток, под любопытными взглядами официантов, видимо, несмотря на щедрую широту платившего по счету Никитина (он искренне обиделся, когда Вихров полез за деньгами), принимали их не за совсем нормальных людей: разговор о литературе, крики, споры, слезы на глазах и обтрепанные пиджачки являли непонятное и загадочное противоречие.

А когда пошли по аллее парка, подувшей предвечерней прохладой по разгоряченным лицам, Вихров, потный, возбужденный, широ-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 45—47.

ко расстегнув на выпуклой груди рубашку, ржаные волосы прилипли ко лбу, охватил одной рукой Никитина и в хмельном упоении, не в силах остановиться, улыбаясь чему-то, начал читать стихи Бунина проникновенным, чуть охрипшим голосом.

«Отличные стихи,— думал потрясенно Никитин, вслушиваясь в сниженный баритон Вихрова и вместе слушая счастливо поющую струнку в самом себе.— Все отлично, и мне не стыдно, что я немного пьян. Но почему мы встали и так рано ушли из такого уютного для разговора кафе?»

И как-то невозможно было Никитину подумать и согласиться, что вот сейчас они выйдут из парка в толпы прохожих на темнеющих улицах, где бледным светом зажигались фонари, и расстанутся, то есть Вихров кончит читать стихи, перестанет говорить об алмазном блеске слова в поэзии Бунина, сядет в троллейбус, уедет куда-то на окраину Москвы, а он, Никитин, доедет в метро до Павелецкого вокзала и за углом переулочка увидит на втором этаже старого, облезлого дома окно своей унылой комнатенки, пахнущей плесенью и обветшалой, древней мебелью. Нет, нет, их разговор и восторг, их доброту друг к другу, к литературе, ко всем людям невозможно было просто так прервать, закончить: ведь все было сегодня необыкновенно!

— Честное слово, Василий, мне не хочется домой, и рано еще,— сказал Никитин.— Может, пойдем пешком до центра?

Тогда Вихров предложил «на посошок» просвежиться по Москве-реке на водном трамвайчике, вечерами свободном, не заполненном пассажирами, курсирующем до Кунцева и обратно, сесть можно на пристани в Парке культуры, а сойти где-нибудь в городе — и Никитин обрадовался этому предложению.

На речном трамвайчике зашли в буфет, чтобы выпить по последней рюмке коньяку, и здесь Вихров дон-жуански мигнул буфетчице, низенькой, полногрудой, черноглазой, в накрахмаленном халатике, нараспев прочитал ей лирическую строчку из Блока: «И каждый вечер, в час назначенный...» Буфетчица захихикала, расставляя на влажном пластике рюмки, кокетливо повела бровями: «Студенты, видать? Стипендию получили? Празднуете?» — а Вихров приятельски обнял Никитина и сказал ей, что перед прекрасными очами прекрасной незнакомки молодой, талантливый писатель, и посоветовал ему немедленно подарить, сделать дарственную надпись на экземпляре журнала с рассказом: «Пусть, Вадим, читает народ...»

Никитин, сконфуженно переспрашивая ее имя, тут же быстро сделал надпись в журнале под заглавием рассказа и, расплачиваясь за коньяк, принял вид богатого человека, не считающего деньги, не обратил внимания на сдачу, положенную буфетчицей на мокрое блюдечко.

Затем совсем одни они сидели в нижнем, ярко освещенном салоне, пили зачем-то шампанское, снова говорили, читали стихи, смеялись, обдуваемые водяной прохладой, нефтяным ветерком в открытые окна, за которыми вода, шумела мимо бортов москворецкая волна; трясся пол от глухой вибрации винтов, город сдвигался, поворачивался куда-то, плыл огнями над гранитными набережными, и спустя немного стало в салоне хаотично, уютно и весело.

Никитин был в состоянии любвеобильного блаженства (ему не жалко было и снять рубашку), сорил деньгами, угощал шампанским и шоколадом черноглазую буфетчицу, ее помощницу, сонную, толстую женщину, угощал коньяком двух парней-матросов с наглыми, загорелыми лицами, то и дело забегавших поглазеть, как гуляют в салоне два чокнутых человека, ничем не похожих на писателей. А буфетчица не без ложной угодливости приносила теперь на подносе бутылки прямо в салон; Никитин совал ей небрежно скомканные деньги, не спрашивал сдачу, потому что не прекращались тосты за литературу, за жизнь, за будущее, за прекрасных женщин. Потом Вихров, притомленный несколько, закрыл глаза и, подперев кулаком скулу, попробовал было затянуть густо и рокочуще «Из-за острова на стрежень», женщины подтянули сначала дружно, но спохватились, зашикали друг на друга («Тише, а то подумают — фулиганство!») и, хихикая, стали показывать пальцем наверх, где на открытой палубе сидели, кутаясь в плащи, два-три пассажира, они должны были сойти, кажется, в Кунцеве.

И в наркотическом угаре разговоров, в непрекращающемся возбуждении Никитин время от времени не особенно отчетливо слышал голоса среди накуренного, оголенно освещенного салона, видел незнакомые лица, женские и мужские, недоверчиво удивленные его щедростью, неблизкие ему, неинтересные («Почему эта буфетчица хихикает поминутно, и морщит губы, и поглядывает как-то намекающе? И почему у нее красивые глаза и какой-то плоский некрасивый рот?»), и тогда притупленный укол мутного стыда («Что же со мной происходит? Зачем я это делаю?») словно отрезвлял его.

Только в двенадцатом часу сошли с трамвайчика вблизи кинотеатра «Ударник», и Никитин, еще не остывший, еще расслабленный всем этим необычным днем и необычным вечером, начал убеждать Вихрова, что посадит его в такси, не пойдет домой, пока не проводит его до такси... И они двинулись к стоянке по набережной в сторону Балчуга, спотыкаясь, часто останавливаясь возле каменного парапета, чтобы закурить (курили же беспрерывно) и до конца высказать свою расположенность друг к другу, найденное единство душ и еще раз напомнить о том, что обязательно должны встречаться.

Им повезло: зеленый огонек такси одиноко замерцал на повороте из провала Пятницкой, приближаясь к стоянке около моста, они заорали «але!», замахали руками, машина затормозила. Они по-братски обнялись, расцеловались — и Никитин вдруг остался один, неуспокоенный, взбудораженный, казалось, вмиг мелькнувшими часами разговоров, питья, курения, единомыслия, восторженных открытий, и вроде сейчас ему не хватало чего-то.

На Овчинниковской набережной, напротив кинотеатра «Заря», без зажженных реклам поночному темного, на углу пригашенной Пятницкой, редко желтеющей верхними окнами, сидела на парапете под фонарем группа парней, и, вероятно, после киносеанса, переговаривались, посмеивались, поплевывали с ленцой в черно-маслянистую воду Канавы; один, сутуловатый, кряжистый, в коротеньком пиджачке, мотая широкими брюками, как бы от нечего делать, для собственного развлечения, выбивал чечетку на тротуаре.

— Эй, друг, нет закурить?

Парень этот свистнул, завидев на набережной одинокого Никитина, и, когда тот, слегка пошатываясь, подошел, охотно протягивая пачку («пожалуйста!»), парень беззастенчиво, стремительно подцепил ногтями сигарету, поинтересовался, кивнул на остальных:

— Всем даешь? У всех кончилось, пусто у нас, кореш...

— Да, да, конечно, закуривайте, ребята.

Его обступили, толкаясь, и потянулись к пачке, быстрые пальцы жадно выдергивали сигареты; под светом фонаря окружили его чужие лица, молодые, настороженные, чудилось, не доверяющие его щедрости, но оттого, что было сегодня в Парке культуры и в светлом салоне речного трамвайчика, оттого, что сегодня свершилось в его жизни, он, рассовывая в руки парней сигареты, улыбался им, говорил с наивной широтой счастливца:

— Какая же это ерунда, ребята! Догадываюсь — нет денег на сигареты. Все мне знакомо. У меня бывало — ни копейки.

— Что? — спросил кряжистый парень, подозрительно ощупывая Никитина остро-раскосыми глазами.— Что сказал?

— Я очень хочу купить вам всем сигареты, ребята, ведь я знаю, что такое, когда нет ни копейки,— сказал Никитин, кивая, подхваченный соучастливой добротой к ним, и ничуть не разочарованный этой встречей, где нужна была его помощь на этой затихшей до рассвета Пятницкой, с потушенными рекламами маленького кинотеатра «Заря», в синевато-летней прозрачности ночи. «Да, да,— подумал он,— мне не хочется идти домой. Я могу хоть целую ночь бродить по Москве, встречать поздних прохожих, закуривать, знакомиться, разговаривать с ними, вот как с этими парнями. Как это прекрасно — знакомиться с людьми!»

— Знаете что? — сказал Никитин дружелюбно и просто.— Если «Балчуг» не закрыт, пойдемте в ресторан, купим сигарет, какого-нибудь вина выпьем, поговорим... Хотите, ребята?

— За чей счет? Кто платить будет? — спросил кряжистый парень в коротеньком пиджачке, но подумал и сейчас же толкнул кого-то в сторону ресторана «Балчуг» за мостом.— Дуй туда!

Сразу двое парней бросились через пустынный мост к ресторану, светившему сквозь зашторенные окна; и видно было, как застучали они в задребезжавшую на всю улицу стеклянную дверь, затем появилась за стеклом фигура швейцара, донеслись требовательные голоса: «Открой, папаша!» — но дверь не открылась, темная фигура швейцара исчезла, после чего двое эти вернулись; один из них возбужденным шепотом сказал что-то кряжистому парню, и тот, хмыкнув, свинцово уперся глазами в переносицу Никитина, спросил, растягивая слова пришептывающей интонацией:

— Ты, фрайер! Знал, что «Балчуг» закрыт?

— Жаль. Что ж, очень жаль,—разочарованно сказал Никитин и вздохнул,— а мне хотелось, ребята...

— Врал, бухарик? — с злой, игривой нежностью выговорил парень и, откинув пятерней лохматые волосы, будто хотел ударить, подмигнул остальным, стоявшим молчаливой группой.— Угощать хотел, а денег нет! Денег-то у тебя — ни копья!

Никитин смотрел на скуластое лицо его, не ощущая опасности, как не ощущают боли или насмешки сверх меры счастливые люди, и было лишь непонятно, даже оскорбительно ему подозрение в обмане.

— Нет,— сказал он искренне.— Ты напрасно... деньги у меня есть.

— Врешь, нету у тебя грошей! А ну, покажи! — угрожающе и требовательно крикнул парень — и в этом резковатом «а ну» зазвучала нотка жесткой силы, и еще нечто хищное, ночное возникло в раскосых глазах, в широких его скулах.

И Никитин, уже трезвея от его недоброго взгляда, от этого неприятного голоса, увидел, как группка парней, исподлобно наблюдая за ними, чуть-чуть зашевелилась под фонарем и замерла в напряжении. «Сейчас что-то должно случиться»,— подумал Никитин, разом почувствовав сквозной холодок в груди, и, понимая глупость положения и не понимая того, что он зачем-то вроде бы должен оправдываться перед парнем, усмехнулся обиженно ему.

— Ты большой чудак, я вижу,— сказал Никитин, нащупал в заднем кармане скомканные деньги, наугад вынул новенькие пятьдесят рублей и показал их.— Нет, я хотел с вами, ребята...

В ту же секунду рука парня крючкообразно мелькнула впереди, движением защитительного инстинкта Никитин отдернул свою руку, пальцы парня успели вцепиться в край пятидесятирублевки, рванули к себе, выхватывая ее, послышался звук разрываемой купюры, и парень торопливо отступил на шажок, выговаривая хриплой задышкой:

— А ну, отдай всю бумагу, бухарик! Отдай сюда!

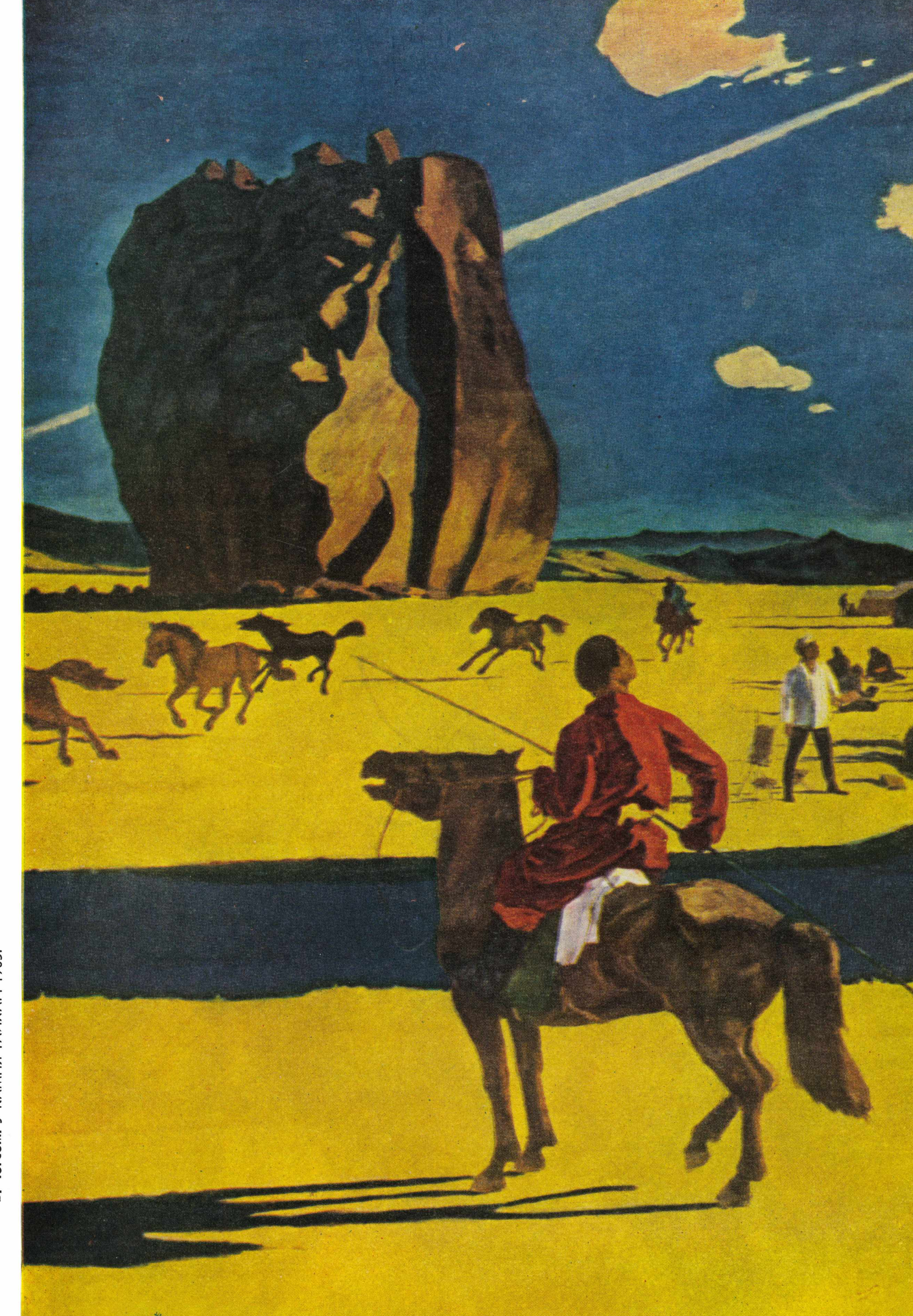
Позже, вспоминая ту ночь, Никитин думал, что если бы тогда парень спокойно попросил у него денег — пятьдесят или сто рублей, то он не отказал бы ему и был бы, наверное, доволен, совершив пьяный акт добра. Но было иначе.

— Зачем же? — шепотом выговорил Никитин, сначала не сообразив, почему парень не попросил у него деньги, а злобно, несправедливо попытался вырвать их, и мгновенная знойная волна темной жути, слепящей ненависти к этому парню, к его коротенькому пиджачку, к раскосым воспаленным глазам, к каждому его отвратительному жесту опалила Никитина; он договорил, заикаясь даже:

— Тут вас шестеро... а я с тобой хочу драться, п-парень! Ну что ж, д-давай!..

И, готовый драться, сунул клочок денег в карман, стиснул кулаки, шагнул вперед отрешенно.

— Не подходи, падло! Я сифилитик! Не подходи! — взвизгнул парень, исказив рот

Б. Чогсом. У КАМНЯ ТАЙХАР. 1965.

Н. Цултэм. ПОД ВЕЧЕРНИМ СОЛНЦЕМ. 1960.

М. Цэмбэлдорж. ПЕЙЗАЖ ГОБИ. 1961.

не то судорогой испуга, не то изумлением при виде внезапной отрешенности Никитина, и, отхаркнувшись, плюнул; плевок не попал в лицо Никитина, белым пятном прилип к груди, и только, как в тумане, уловив узкие глаза парня, Никитин кинулся к нему и с ненавистью и наслаждением ударил его в костистый, лязгнувший челюстью подбородок, в мокрый рот, захрипевший заглушенным криком. Но сзади что-то черно и сильно оглушило его по голове, фонарь качнулся вбок, мостовая жестко царапнула щеку, замелькали, хрипя, вскрикивая, тени над ним, забегали вокруг, заскакали ноги, по-звериному пронзил его чей-то голос: «В печенку бей, в печенку!» И он, чувствуя острые удары ног под ребра, под грудь, охваченный одной сумасшедшей и мстительной мыслью: «Подняться, лишь бы подняться!» — рванулся с земли, упираясь в асфальт двумя руками, неимоверным толчком вырвался из топота, толчеи окружавших его ног, метнулся вправо, влево среди полубезумных, почти нечеловеческих лиц, объединенных одинаковым оскаленным волчьим выражением, будто возбужденных видом крови. И без ощущения боли ударов, подчиняясь незнакомой, взорвавшейся в нем дикости, крича неистово и страшно: «Трусы! Сволочи!» — мотался в окружении тел, бил по этим ненавистным лицам, нагибаясь, выворачиваясь, едва не падая от бешено вложенной в сжатые до онемения кулаки силы, как обреченный дорого отдать свою жизнь. В то же время, безобразный, наверно, упоением неистовства, он еще одержимой памятью зрения лихорадочно искал взглядом лицо широкоскулого парня, стараясь прорваться лишь к нему, но тот возникал и пропадал за чьими-то спинами, плечами и там пронзительно вскрикивал подсказывающим голосом: «На землю его, на землю!»

Но когда на счастливый миг (это был счастливый миг!) он, задыхаясь, слыша, как трещит на нем пиджак, разрываемый в разные стороны крючьями рук, сквозь удары и пинки прорвался к парню, тот издал устрашающий взвизг горлом, отступая вдоль парапета набережной к мосту, и тут словно бы вокруг образовалась пустота, прекрасная, справедливая пустота, теперь никто почему-то уже не мешал им, а парень отходил по мосту боком и спешащими рывками вытаскивал что-то из кармана брюк, и вдруг блеснул длинной иглой распрямленный складной ножичек с серебристым тоненьким лезвием. И странно было — этот стальной блеск ножичка не вызвал у Никитина страха, наоборот, его слепо, неудержимо и яро кидала к парню какая-то разжатая до беспамятства пружина ненависти, которую ничем не мог в себе сдержать, и он упоенно, молитвенно, как в бреду, шептал:

— Ну, отлично, теперь мы один на один... Теперь я узнаю, стрелял ли ты когда-нибудь по танкам... («Зачем я говорю это? Почему это я говорю?») О, теперь все будет, как надо, трусливая ты сволочь... Такие и в войну были! О, такие, как ты, были еще в Древнем Риме... («Какой Рим? Зачем?») Ну что ж, ты или я?.. Посмотрим! Ты или я?..

— Не подходи-и! Сердце проколю! — заревел горловым голосом парень, исступленно тряся лицом, так что волосы забили по вискам его, и, прижавшись боком к перилам моста, остро выставил кулак с посверкивающим в нем прямым лезвием.

Должно быть, так озверело, устрашающе и утробно кричал первобытный человек, встречая черной ночью сильного врага мужского рода близ своей пещеры, замахнувшись, нацелясь смертельно-угловатым камнем, чтобы сделать прыжок и раздробить череп самцу чужого племени. Но пещеры не было, не было первобытного человека, была спящая Пятницкая, закрытый ресторан «Балчуг», мост через Канаву, широкоскулый, с омерзительно разбитым носом парень и он, Никитин, неузнаваемо окровавленный, истерзанный, в разодранных пиджаке и рубахе, глотавший кровь, наполнявшую рот, готовый в бешенстве и правоте бить, ломать, разрушать, защищать себя, свою наивность и что-то еще нематериальное, оскорбленное, раздавленное, но все-таки в те секунды Никитин уже не был Никитиным, а это придавало пещерно-дикое безумие тому, что он делал тогда...

— Хочу, чтобы ты все запомнил, сволочь!.. Нет, я этого не хотел!.. А вы шестеро на одного... Нет, нет, не в деньгах дело! — одеревенелыми губами шептал бредово Никитин, подступая к парню, к напряженно подрагивающему в его кулаке тоненькому, как игла, лезвию.— Ну, спрячешь нож? Или не спрячешь? Спрячешь? Или?..

— Не ле-езь! Проколю мошонку, падло! — опять взревел парень первобытным голосом угрозы и страха.

И в следующий миг Никитин почувствовал — по левой кисти болью скользнуло горячее, твердое, шатнулись впереди выкаченные злобой воспаленные глаза парня, черно открытый, сипом дышащий рот, на короткий момент увидел кровь на левой кисти, тотчас понял, что парень задел ее ножом, и, отклонясь, изогнувшись, правой рукой ударил его снизу в подбородок, услышал животный взвизг, вскрик ругательства, и опять перед ним промелькнуло полосами измазанное по скулам красным лицо парня, выкаченные из орбит глаза, и он снова ударил по близкому, влажному, отвратительному лику, с мстительным сладострастием вкладывая в эти удары нечто жгучее, клокочущее в его душе, кипящее и невыкипающее.

Потом сзади что-то тяжкое и темное обрушилось на него, резким толчком свалило с ног, и посреди суматошного топота вблизи головы, пинков, свиста, сквозь звон, заложивший уши, дошли до сознания два неясных вскрика, похожих почему-то на два обрывка ваты, летящих по воздуху:

— Шухер! Шухер! — И показалось ему: странно опустело везде, и нависла над ним тягуче звенящая тишина.

Тогда он вскочил, выплевывая кровь, шатаясь от чугунного шума в голове, но его властным охватом стиснул со спины какой-то незнакомый человек, говоривший ему: «Тихо, тихо!» — и, как в другом мире, увидел он парня у перил моста. Его держали за плечи двое милиционеров, жирные размазанные полосы обезображивали его широкий нос, его скулы; ножа не было. Парень, обессиленно вырываясь, дергаясь, не говорил, а выкашливал горлом:

— Шел домой, а он прицепился, гад!.. Пьянь проклятая! Шел домой, а он деньги стал требовать, гад!

А Никитин еле стоял, покачивался на ослабевших ногах, не было силы сказать ни единого слова, он только улыбался страшной улыбкой.

В милиции, куда привели их, парень рыдающим голосом кричал, повторяя, доказывая, что он шел из кино домой, а та вон проклятая пьянь начала приставать, полезла по его карманам и вырвала деньги, полсотни — и истерическими жестами показывал, каким образом все было: выворачивал наизнанку карманы и потрясал перед дежурным порванной пятидесятирублевой бумажкой. Капитан, брезгливо суховатый, широколобый, глянул из-за стойки взором внимательной подозрительности, взял обрывок пятидесятирублевки («Н-ну-ка...») и положил на стол. А Никитин, усаженный милиционером на крепкую, обшарпанную скамью, смотрел на парня, вспоминая его ощеренное лицо в момент плевка («Я сифилитик!»), его хрипевший злобой и страхом окровавленный рот во время драки на мосту («Сердце проколю!») — и едва не плакал от бессилия и ненависти: им не дали додраться один на один, там, на мосту, кто-то из той стаи по-темному, по-трусливому нанес ему удар сзади, свалил наземь, подставив ногу, и сейчас, вот тут в милиции, где без какого-либо сочувствия не могло быть понимания ни одной, ни другой стороны, невозможно было бы даже рассказать, объяснить подробности, причины всего, что произошло на набережной. Выкрики парня, его объяснения — «пьяный псих, бухарик», приставал, требовал деньги и затем, получив отказ, полез по карманам, чему доказательство — разорванная купюра,— это еще чем-то могло приблизиться к видимости правды, но то, что мог и хотел бы объяснить Никитин, выглядело необыденным, из ряда вон выходящим, ненормальным, а значит, затушевывало истину, или являлось неправдой.

«Ведь сегодня, именно сегодня произошло главное в моей жизни, и я, наверное, был счастлив, если это и есть счастье, и просто мне хотелось быть добрым ко всем на свете и к этим незнакомым парням, которых случайно встретил...»

«То есть как это добрым? Конкретнее».

«Ну, у меня были деньги, а у них не было сигарет, и мне хотелось угостить их. Да, купить сигарет, посидеть с ними и поговорить».

«Ночью? С незнакомыми людьми? С какой целью?»

«Вы понимаете — мне хотелось быть добрым. Со всеми. Разве с вами этого не бывает?»

«Мы, гражданин, все должны быть добрыми. Но по какой причине вам захотелось их угостить? Да какое вам дело до них? Вы кого-нибудь из них знали?»

«Не знал. Но разве это имеет значение?»

«Короче говоря, гражданин, вы пьяны были — так шли бы домой спать. Так ведь нормальные люди поступают».

«Нормальные — да».

«А вы что, на учете в психодиспансере? Может, у вас контузия после войны?»

«Пока нет, хотя контузия есть...»

«Где вы работаете?»

«Сейчас нигде. Дома. Вернее, снимаю комнату».

«Как так нигде не работаете? Получаете военную пенсию?»

«Нет, не получаю. После университета работал в газете, потом ушел. На что живу, трудно объяснить. Продал шинель, сапоги, офицерский компас... Что еще? Да, нагрудный знак «Гвардия» обменял на ботинки. Вернее, подарил его своему однополчанину, у которого два года назад украли в поезде все документы, знаки и ордена вместе с одеждой. А он мне купил и подарил ботинки».

«Значит, вы проживаете без определенных занятий и без трудовых средств к существованию? Так надо понимать?»

«Не совсем так. Средств у меня почти нет. Но я работаю целый день... с утра и до вечера. И ночью. Часто ночью. Почти всегда ночью. У меня нет сна. Вы знаете, как работал Достоевский или Бальзак? А Толстой, Флобер, Ренар? Вы читали «Дневники» Ренара?»

«Стыдно вам! Вы мне зубы не заговаривайте. Мы знаем, кто такой Толстой, разбираемся. Думаете, милиция, так здесь шухры-мухры, ушами холодными хлопают. Вон как — Толстого выдвинул. Вопрос ясный и конкретный — так чем вы занимаетесь? Род занятий?»

«Чем я занимаюсь? Род занятий? Хорошо, постараюсь ответить. Я с утра до вечера и ночью ищу фразу, нужную фразу и часто не нахожу... Но я хочу, больше всего в жизни хочу, чтобы люди смеялись, грустили, плакали над моим словом. Подождите, какую же глупость я вам говорю! Я другое должен объяснить. Посмотрите, посмотрите же на парня. Как он великолепно лжет! Во имя чего? Он не напоминает вам Иуду Искариота? Не напоминает вам моего командира орудия Меженина, в которого я стрелял в сорок пятом году и не убил?»

Этот диалог, проскользнувший в разгоряченном мозгу Никитина, только померещился ему, как во сне, и, зажимая носовым платком поцарапанную ножом кисть, он, сразу отрезвленный новой душной болью, увидел порочно враждебные глаза парня, возмущенно и подобострастно говорившего что-то возле стойки, гнусные темные разводы вокруг его глазниц и разбитого носа. Потом увидел под направленным брезгливым взглядом дежурного свой до неузнаваемости растерзанный пиджак, который с трусливым наслаждением стайного превосходства недавно рвали на нем чужие руки (как будто знали, что это единственный его пиджак), представил себя в нелепой реальности, избитого, грязного, и все свои воображаемые объяснения насчет рода занятий, одержимости Толстого и Ренара, насчет искания слов, любви и доброты,— и странный, всхлипывающий звук, похожий не то на смех, не то на задушенные в горле рыдания, услышал он. И со стыдом удивился, почувствовав, что с ним происходит что-то сумасшедшее, никак не подчиненное его воле,— неподвластный сладкий злорадный смех, неудержимые рыдания душили его, распирали грудь. И он, задохнувшись, глотая этот смех и рыдания, видел в середине серой, текучей пустоты поднятое приказывающе-властное, сухое лицо дежурного, свой раскрытый паспорт на смешно, по-школьному заляпанном кляксами столе, подле чернильницы, рядом чье-то удо-

стоверение, видимо, парня, на удостоверении смятый обрывок пятидесятирублевки и, стиснув зубы, с ужасом подумал: «Что это со мной? Какая-то истерика — хочется плакать и смеяться... Никогда этого со мной не было! Расшатались нервы, я собой не владею? Только бы не этот стыд... перед ними, на глазах у них...»

— Так это было, гражданин Никитин? — зашелестевшим серым песком достиг его слуха голос дежурного.— Вы в сильно нетрезвом состоянии, почти невменяемом, как видно и сейчас, пытались вырвать у гражданина Миляева деньги. Так это было?

— Да, да...— выдавил Никитин, и опять рыдающий смех вытеснился из горла, слезы катились у него по щекам.

— Верните разорванную купюру ее владельцу.

— Да, да, владельцу... пожалуйста...

Решенными движениями беспристрастной правоты крепкие крестьянские пальцы дежурного, отмеченные фиолетовым городским пятнышком чернил на суставе, неторопливо положили на удостоверение обрывок отданной Никитиным пятидесятирублевки, поверх другого обрывка, захлопнули удостоверение и протянули его суетливо перегнувшемуся к столу парню.

— Возьмите, гражданин Миляев, свои деньги. В банке обменяют. Итак, гражданин Никитин, у меня несколько вопросов для протокола.

«Только бы сдержаться... Только бы не это удушье... Я унижаю себя. Я выговорить слова не могу. Что же... Что же это со мной?.. Как с неврастеником. На фронте, если бы такое с моим солдатом случилось, я перестал бы верить в него»,— говорил себе Никитин, давясь подступающим к горлу комом горького смеха, металлическим вкусом слез, и чтобы не видно было мучительно судорожных глотаний, отвернулся, сотрясаясь словно позывами тошноты.

— За решетку таких прятать надо, пьянь рваную!.. Наблюет он еще у вас тут...— с дозволенным превосходством и подобострастием защищенного от насилия сказал парень и, как хозяин, узнавший свою вещь, поглядел на обе половинки пятидесятирублевки, затолкал их вместе с удостоверением в карман коротенького пиджачка, вновь заискивающе посуетился около стойки.— Мне идти, товарищ капитан? Я ведь рабочий человек, я ведь завтра в утреннюю. Не как другие...

И здесь все разжалось в Никитине. Парень стоял в двух шагах, вблизи деревянного барьера, скулы масляно лоснились, вспухший, осиненный рот зло и победно ощеривался, выказывая мелкие зубы. И не слова его, не подобострастный тон, не заискивание перед дежурным, а эта торжествующая победа гнусности, раскрытая ухмылкой, на какую-то долю секунды нарисовала в воображении Никитина картину иного торжества, о котором он даже и не подумал тогда на набережной, когда увидел нож в руках парня: да, да, этим ножом, если бы успел, он «проколол» бы и сердце распятого на земле Никитина и, не задумываясь, выколол бы глаза с этой же ухмылкой победившей трусости.

— А где же твой нож? — выдавил шепотом Никитин и, точно в беспамятстве, захлебываясь смехом и плачем, ринулся на парня, увертливо отскочившего назад,— кулак достал лишь его плечо, жилистое, костистое. Но, отскакивая, парень не удержался на ногах, потеряв равновесие, хлестко ударился спиной и затылком о стену и тут же с хрипящим взвизгом подскочил к Никитину, которого уже не без крутой силы схватили за руки два милиционера, снова потащив на скамейку, и не ударил, а по-рысьи изловчился страшными твердыми ногтями окарябать лицо Никитина от бровей до щек, целя, видимо, в глаза, и крик его бритвенным лезвием резанул по слуху:

— Видели? Видели?.. Он с ножом на меня!.. Нож он в Канаву выбросил! В Канаву, гад, выбросил!

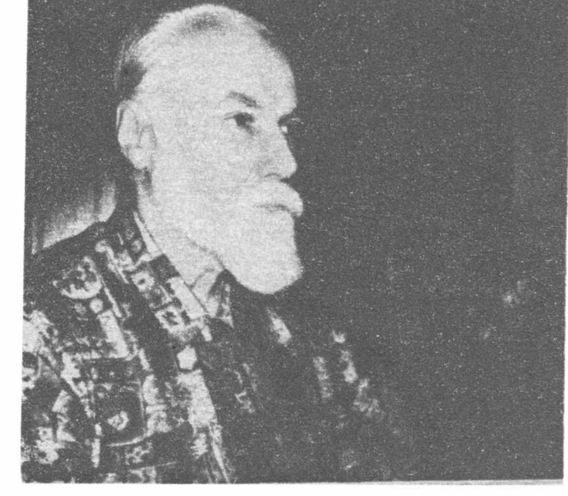
Дежурный длинными прыжками выбежал изза барьера, заученным движением поймал, завел обе руки парня на поясницу и так повел его к двери, гневно приказывая милиционерам:

— Обоих посадить! Только не вместе. Ясно? Обоих!

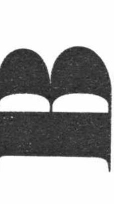
Продолжение следует.

Валентин СИДОРОВ

(Индийские заметки)

Святослав Николаевич Рерих.

1

Дороги в Индии просыпаются рано, очень рано. Здесь стараются опередить палящее солнце. Дорог каждый утренний час, каждое прохладное мгновение. Потому в рассветной дымке, веющей свежестью, снуют машины: несется, громыхая, скуттер — полуоткрытый экипаж, представляющий собой нечто среднее между мотоциклом и малолитражным автомобилем, выворачивается навстречу нам автобус, на ветровом стекле которого красуется цветное изображение Кришны и священное слово «Ом». Бредут пешеходы. Но, конечно, центральная фигура шумных, многоголосых индийских магистралей — велосипедист. Здешний велосипедист — это нечто особенное, уникальное. Если Индия — страна чудес, то, на мой взгляд, один из главных феноменов этой страны — ее велосипедист. Более всего поражает виртуозное искусство, с которым скромная машина превращается в многоместный экипаж. Вот типичная дорожная картина. Счастливый отец семейства лихо крутит педали. На багажнике, непринужденно свесив смуглые ноги, восседает его жена. В ее руках — сумка с овощами и фруктами. На жесткой раме — двое или трое загорелых мальчуганов. С детства в Индии приучаются владеть своим телом, потому позы седоков естественны, не чувствуется никакой напряженности. Не обращая ни малейшего внимания на шум и движение, члены семейства ведут оживленную беседу, а если прерывают ее, то для того, чтобы одарить встречного белозубыми улыбками.

Наша машина набирает скорость. Мелькают деревья. Мы мчимся мимо глинобитных хижин, бензоколонок, куполообразных храмов, базаров, где высятся горы полосатых арбузов и желто-зеленых манго. Наш путь лежит на север. Мы стремимся уйти от лучей восходящего солнца. Но оно, увы, настигает нас. Душно. Листва становится раскаленной. То и дело останавливаемся у лавочек, чтобы выпить кока-колу. Пьем и местный напиток, изготовляемый из стеблей сахарного тростника, ледяной и молочно-белый.

Незаметно, когда солнце было в самом зените, мы пересекли границу, отделяющую жару от прохлады. В лицо ударила хвойная свежесть. Над дорогой простерли ветви гигантские кедры и голубые сосны. Гималаи. Здесь дышится по-другому, и пейзажи здесь другие. Нет-нет да и проглянет картина, столь привычная для нашего взгляда,— поляна, сплошь заросшая белыми цветами с золотыми крапинками. Тысячелистник. А долина Кулу — конечная цель нашего путешествия — все время удивляет неожиданным сочетанием красок и ароматов. Здесь рядом с магнолией, источающей дурманящий запах, спокойно растет белоствольная, типично воронежская береза.

2

...Об индийском собеседнике можно написать целую книгу. Удивительна чуткость, с которой он реагирует на любое движение вашей души. Замечательно отсутствие категоричности, нередкой в наших спорах, предельное внимание и уважение к словам собеседника. Беседы в зависимости от их характера носят различные наименования. Особенно доверительной считается «сатсанг». Так на языке хинди называется разговор о высоких духовных предметах. Это как бы совместная медитация на ту или иную тему. Религиозные мотивы не обязательны. Обязательна лишь направленность в сторону высокого, вечного, беспредельного. «Сатсанг» очень чтится индусами. Сама беседа, вне зависимости от конечного результата ее, считается наградой за то хорошее, что человек совершил или в этой, или в прошлой жизни (все религиозные и философские школы Индии сходятся в одном пункте: они верят в перевоплощение человеческих душ). «Сатсанг», да еще на фоне священных Гималайских гор,— это двойная награда.

Конечно, размышления о предметах высоких дают особый ритм и настрой разговору. Но это отнюдь не означает отрешенности от земных вопросов. Наоборот. Индийский оппонент обладает поразительной способностью мгновенно переключать внимание.

Мне пришлось беседовать с министром земледелия одного из индийских штатов. Помимо того, что он был министр, он был и поэт. Потому разговор наш сразу принял форму «сатсанга». Прозвучали слова великого поэта древней Индии Калидасы: когда ты вошел в мир, ты горько плакал, а все вокруг тебя радостно смеялись. Сделай жизнь такой, чтобы ты радостно смеялся, покидая мир, а все вокруг тебя плакали.

Я читал свои стихи («В языке воскресшего санскрита мы глагол славянский узнаем»). Их тут же переводили на английский. Министр, забыв на какое-то время, что он министр, пел и читал свои. Насколько можно судить по переводу, стихи его были философские, с изрядной примесью мистики.

И вот в то время, когда, казалось, все мысли должны быть прикованы к заоблачным высям, неожиданный вопрос возвратил меня на землю.

— А вы знаете, как я побеждаю противника на выборах? Я сочиняю песню, высмеивающую противника. В деревнях распевают ее. И голосуют за меня. Так я побеждаю.

И поэт, опять превратившись в министра, засмеялся, довольный своей выдумкой. Засмеялся так заразительно, что я невольно присоединился к его смеху.

3

Двухэтажный дом окружен лимонными деревьями и соснами. Из окон видны Гималайские горы, заросшие лесами, снежные вершины. Облака медленно наползают на седловины хребтов. Царит тишина, прерываемая ровным рокотом горной реки Биас.

Здесь последние годы жизни ра-

ботал великий русский художник Николай Константинович Рерих, имя которого стало символом духовного и культурного единения народов Индии и Советского Союза.

Я попал в дом Рериха как раз в те дни, когда в Индии шла подготовка к юбилею великого художника. Столетие со дня его рождения здесь собирались отмечать как праздник советско-индийской дружбы. Планировались чтения и заседания, посвященные памяти Рериха. Обсуждался проект юбилейной почтовой марки. Сейчас эта марка с барельефным изображением художника лежит на моем столе.

Сын Николая Константиновича Святослав Рерих принимал меня так, как принимают старого знакомого, с которым встретились вновь после долгой разлуки. Жена Святослава Николаевича Девика Рани (в прошлом знаменитая индийская кинозвезда) приветствовала меня на языке, где причудливо и мило сочетались английские обороты и русские слова. «Мистер Сидоров» здесь мирно уживался с «товарищем Сидоровым».

...Вот комнаты, где писал Николай Константинович. На стенах висят эскизы, небольшие картины, изображающие Гималаи, небо, светящиеся облака. Комнаты открыты для каждодневного посещения. Вот столовая, где у обеденного стола собиралась семья Рерихов. Гостиная. «Здесь каждый день,— говорит Святослав Николаевич,— мы настраивали приемник на московскую волну. Ждали вестей с фронтов». «Когда началась война,— вспоминает Святослав Николаевич,— мой брат Юрий и я дали телеграмму в Лондон советскому послу Майскому с просьбой зачислить нас добровольцами в Красную Армию».

— А вот здесь,— Святослав Рерих указывает на угол комнаты, где стоят кресла с выцветшей обивкой,— беседовали Неру и мой отец. Я давно был знаком с Неру. У меня установились дружеские отношения со всей его семьей. Неру хотел познакомиться с Николаем Константиновичем, но мешали дела. В мае сорок второго года Неру вместе со мной отправился в долину Кулу.

В дневнике моего отца есть запись: «Неделю у нас Неру с дочкой». Отец выделяет главные аспекты взаимных бесед. «Говорили об Индо-русской культурной ассоциации. Пора мыслить о кооперации полезной, сознательной». «Я же,— рассказывает Святослав Николаевич,— написал тогда целую серию этюдов и портретов Неру. Он, как вы знаете, был совершенно изумительный человек, глубокого, неповторимого сердца, большой широты взгляда. И, будучи исключительно культурным человеком, он, конечно, являлся прекрасным руководителем для Индии. Я его не только уважаю, но и люблю. И, конечно, в моих портретах я старался передать то, что я о нем знаю, вижу и видел в нем».

Святослав Николаевич, как и его отец,— художник. Он общепризнанный мастер психологического портрета. В галерее образов, созданных им, выделяются портреты Рериха-отца, Неру (одна из работ художника выполнена специально для зала заседаний индийского парламента). Утонченная красота индийской женщины с документальной точностью запечатлена в портрете жены художника. Я склонен видеть в этом портрете символ духовной красоты Индии.

В живописи Святослава Рериха господствуют мажорные тона. Краски ярки, праздничны, подчас ослепительны, как индийский пейзаж и индийское солнце. Они поневоле приводят на ум древнее изречение: «Радость есть особая мудрость».

«Ключ к моим картинам, к моему творчеству,— говорит художник,— в моем отношении к жизни. Я люблю жизнь, меня жизнь всегда интересовала. Интересовала не только жизнь людей, но жизнь всей природы — вся Жизнь. Я всегда, уже с детства, увлекался природой, увлекался всем, что природа нам дает. И теперь ничто не доставляет мне столько удовольствия и радости, как погружаться в природу и читать ее книгу, эту книгу мудрости. Она разлита во всем: в крыльях бабочек, в сиянии кристаллов; ее вы встретите в цветах, в опылении, в жизни насекомых. И эта радость, которую я ощущал именно в контактах с природой, и есть ключ к моему творчеству и моим картинам».

Творческие методы Рериха-старшего и Рериха-младшего различны. Сходство их заключается в одном: творчество Святослава Николаевича, как и творчество его отца, служит своеобразным мостом, соединяющим культуры двух стран. Интерес Святослава Рериха к индийской культуре широк и многопланов. Он говорит: «Чтобы действительно знать искусство Индии, нужно прожить в стране очень долго и непрестанно изучать его — настолько оно многообразно. Много моих картин, как вы знаете, посвящено Индии, потому что я живу в Индии, потому что я хотел отразить жизнь Индии, ту жизнь, которая меня особенно привлекала и которая, может быть, меня поражала. Я не знаю, насколько это мне удалось или удастся. Индия настолько многообразна, что отразить ее всю во всем, во всем ее сверкании очень, очень трудно. Но все же я считаю, что мой долг это сделать».

Имя Святослава Рериха широко известно. Его полотна находятся в парижском Лувре, ленинградском Эрмитаже, в музеях Чехословакии, Бельгии, Индии, США. Заслуги Святослава Николаевича перед искусством Индии отмечены «Почетным орденом за искусство и гуманизм». Этим орденом, учрежденным к столетию со дня рождения Рабиндраната Тагора, был в свое время награжден советский скульптор Коненков.

В 1960 году москвичи, а затем ленинградцы имели возможность познакомиться с картинами Святослава Рериха. Его выставку посетило полмиллиона человек. Правда, сам художник считает, что выставка была недостаточно полной, на ней не были представлены его монументальные полотна, которым он придает первостепенное значение. Сейчас, когда пишутся эти строки, в Москву прибыли его картины. Святослав Рерих в этом году тоже юбиляр—23 октября 1974 года ему исполнилось 70 лет. К этой годовщине и приурочена его выставка. Она подводит итоги многолетней, напряженной творческой деятельности. На мой взгляд, знаменательно, что картины Святослава Рериха демонстрируются, как бы утверждая преемственность прошлого и настоящего, в залах Третьяковской галереи — этой цитадели русского реализма. Традиции русского реалистического искусства, обогащенные восточными и в первую очередь индийскими сюжетами, одухотворенные индивидуальностью большого мастера, властно звучат в его картинах. «Мои истоки здесь, в России,— подчеркивает художник,— я был полон русского искусства, это были мои истоки, и на них основано все мое последующее знание».

Мысль Святослава Николаевича возвращается к памятным дням прошлого. «Получилось так,— рассказывает он,— что мой отец и Неру больше уже не виделись. Англичане вскоре заключили Неру в тюрьму. А когда он вышел на свободу и Индия обрела независимость, ушел из жизни мой отец».

Сразу после его кончины в Дели была открыта мемориальная выставка Рериха. Выступая на ее открытии, Джавахарлал Неру произнес проникновенные слова: «Хорошо, что эта выставка состоялась, несмотря на печальное обстоятельство смерти творца этих полотен, потому что искусство и труд Рериха имеют мало общего с жизнью и смертью личности. Они выше этого, они продолжают жить и в действительности являются более долговечными, нежели человеческая жизнь».

Мы спускаемся к мемориалу Рериха. Художник умер накануне возвращения на Родину. Уже были упакованы и приготовлены к отправке в Москву картины. По завещанию художника они потом были переданы в дар нашему народу. Когда сжигали тело Рериха, его лицо было обращено на север, в сторону России.

Мы стоим несколько минут молча у камня-обелиска, на котором высечена столь известная ныне надпись: «Здесь в декабре 1947 года было предано огню тело Николая Рериха — великого русского друга Индии. Да будет мир».

4

«Сердце сердцу весть подает. Красив индо-русский магнит»,— писал Рерих. История сохранила знаменитое восклицание Афанасия Никитина: «И от всех наших бед уйдем в Индию». Но движение русского сердца не было односторонним. Оно вызывало ответную волну. Следы индийских поселений на Волге убедительно свидетельствуют об этом.

Поразительно сходство наших языковых стихий. Язык древней Индии — санскрит — и русский язык имеют столько общих корней, что это никак не может быть случайностью. Не случайно также и совпадение древних легенд и преданий. Еще критик Стасов обратил внимание на тождество сюжетов русских былин и индийских эпосов: «Рамаяны» и «Махабхараты».

— Да, это верно,— подхватывает близкую ему мысль Святослав Рерих.— Однако не об этнографии, не о филологии думается, но о чем-то глубочайшем и многозначительном, обычно в таких случаях говорил мой отец. Это «глубочайшее и многозначительное», по его убеждению, состояло в том, что русские народы и народы Индии далеки от шовинизма. В этом их сила.

5

Интерес ко всему русскому в Индии велик. История действительно все время сближала наши духовные орбиты. Октябрьская революция дала гигантский импульс давним традиционным отношениям. Притягательная сила идей нового строя в стране, задавленной колониальным гнетом, выявилась быстро.

В 1926 году нарком иностранных дел Чичерин получил письмо махатм — духовных водителей индийского народа. Они приветствовали русскую революцию. «На Гималаях мы знаем совершаемое Вами... посылаем Вам всю нашу помощь, утверждая единение Азии!» От имени тех же махатм Чичерину был вручен ларец с гималайской землей. «На могилу нашего брата махатмы Ленина» — так было сказано в послании.

Выдающиеся умы Индии с самого начала почувствовали величие и бескорыстие подвигов народов России, ибо все, что здесь совершалось, совершалось для всего человечества. Великий индийский поэт Рабиндранат Тагор, посетивший Советский Союз в 1930 году, очутившись в неповторимой атмосфере новостроек первой пятилетки, писал:

«Наконец-то я в России, и то, что вижу, чудесно, непохоже на другие страны, в корне отлично». Известны его восхищенные слова о вдохновенно-преобразующей работе коммунистов. «Они разбудили здесь весь народ... Не увидев собственными глазами, я никогда бы не поверил, что они всего лишь за десять лет смогли поднять со дна невежества и унижения сотни тысяч людей и не только научить их грамоте, но и привить им чувство собственного достоинства».

Портрет жены С. Н. Рериха Девики Рани.

И, конечно, многим памятно — об этом могу судить по разговорам с новыми индийскими знакомыми — письмо Джавахарлала Неру, написанное в одиночной тюремной камере, куда его в очередной раз упрятала британская администрация. Письмо было адресовано дочери — Индире Ганди.

«Год, когда ты родилась, был одним из незабываемых в истории; в этом году великий вождь с сердцем, преисполненным любовью и сочувствием к бедным и страдающим, повел свой народ на благородный и немеркнущий в истории подвиг. В тот момент, когда ты родилась, Ленин начал революцию, которая изменила облик России».

6

И опять дороги, но теперь идущие в обратном направлении — с севера на юг, из прохлады в жару. Разноязыкий говор. Новые встречи.

Языки, на которых говорит современная Индия — хинди, урду, бенгали,— красочны и богаты. Слова объемны, многомерны. Бывает, что за словом, звучащим скромно и непритязательно, тянется глубинный философский пласт. В конце беседы мне нередко приходилось слышать «дханьявад». Это примерно соответствует русскому «спасибо». Но, конечно, перевод условен и приблизителен. Если же обратиться к первозданному смыслу слова, то перевод будет выглядеть так: «Мы с вами обогатились общением друг с другом».

Удивительно емкое и многозначительное слово. Оно на редкость точно выражает тенденцию нашего времени, направленную не на разъединение, а на объединение. «Обогащаться общением друг с другом».

Дханьявад!

Дели — Москва.

Рисунки И. УШАКОВА.

ДЕЛО О ТЕЛЕФОННЫХ ЗВОНКАХ

Руфь ЗЕРНОВА

ПОВЕСТЬ

XIII

Рита предложила Кириллу проводить его в Москву.

— Возьму за свой счет на один день. Вообще-то говоря, мне отгул причитается, да могут не дать — знаешь, как у нас. Так лучше я за свой счет. Не обеднею как-нибудь без этих трех рублей. А не дать Варвара не посмеет — моментально в другую точку уйду.

Кирилл сказал:

— Подумаю.

— Чего думать-то! — Рита пожала плечом, не изменяя спокойного и рассудительного выражения лица.

И Кирилл сказал:

— Ладно. Потешимся напоследок.

Что он имел в виду, Рита поняла, когда оказалось, что Кирилл взял мягкую «Стрелу» — двухместное купе.

— Надо же! — сказала Рита.— Как господа. Никогда так не ездила. Умеешь ты!

— В буфет пойдем или здесь закусим? — спросил Кирилл.

— А ты как хочешь?

— Сегодня ты королева. Как скажешь — так и будет.

— Тогда здесь,— решила Рита.— Неохота мне сегодня смотреть на пьяные морды. Так нам с тобой здесь... как будто это наш дом.

Когда по вагонам стали разносить напитки и закуски, Кирилл купил бутылку коньяка и плитку шоколада. Рита попросила его выйти, она хотела переодеться. Когда он вошел, она сидела в цветастом нейлоновом халатике и смотрела на него необычно блестящими глазами.

— И правда, как будто дом наш. И не видно, что едем. Просто закрыли двери. Ну, обними меня.

Под утро она сказала:

— Не спутаешься с кем-нибудь там? Смотри у меня!

— Где там спутываться! — сказал Кирилл.— За экскурсоводом будем ходить, как цыплята.

Она помолчала и сказала:

— Привыкла я к тебе.

— Приеду — поженимся,— сказал Кирилл.— Я тебя с работы сниму, ребенка заведем...

— Вот видишь,— сказала она.— Я же говорила тебе, что лучше меня не найдешь. А дело прошлое — я тебя ревновала к этой... ну, у которой отца убили. Сейчас мужики пошли ненормальные — им такие нравятся...

— Я очень нормальный,— сказал Кирилл.

— Ты-то нормальный. Подожди, ты послушай. А она не переживает из-за тебя? Как ты думаешь?

— Не знаю, не интересуюсь. Я ж говорю, я нормальный.

— Не интересуешься? А почему у тебя ее фотография?

Рита почувствовала, что Кирилл отодвинулся и словно застыл. Она села на постели, обняла руками колени и сказала:

— Так вот оно что!

— Ты о чем? — спросил Кирилл.

— Очень хорошо знаешь, о чем. За неимением гербовых пишут на простых, да?

— Темная ты, Ритка,— сказал Кирилл со вздохом.

— Скажи уж прямо, серая. Только имей в виду, что гордость у меня тоже имеется.

— Кто у тебя ее отнимает, гордость твою! Что ты болтаешь, подумай сама. Ты в зеркало хоть смотришься когда? Ну сравни себя и ее.

— А фото? — спросила Рита, не убежденная.

— Что фото?

— Зачем ты с собой ее фотку везешь?

— Вез бы твою, если б у меня была.

— Ты ж у меня не просил никогда.

— Я и у нее не просил, сама подарила.

Рита несколько минут лежала молча, размышляя. Потом сказала:

— И чего это со мной? Никогда такого не было. Видно, сильно я к тебе привыкла.

Кирилл привлек ее к себе, она положила голову ему на плечо. Он спросил:

— Ты когда ее увидела, фотографию эту самую? Когда я за коньяк расплачивался?

— Ага. Увидела, что какая-то фотка... А потом ты вышел — я достала бумажник, посмотрела. Даже на картон наклеена! Слушай, порви ты ее, чтобы я была спокойна.

— Ох, и ревнивая у меня жена будет! — сказал Кирилл.

Они помирились.

Целый день потом они гуляли по зимней Москве. Рита несколько раз возвращалась к разговору о фотографии. Кирилл отшучивался. Наконец он сказал:

— Была бы у меня твоя фотография...

Рита открыла сумочку и сказала:

— На!

Это была открытка девять на двенадцать. Рита была снята в три четверти оборота, с опущенными глазами.

— Ну, настырная! — удивился Кирилл.— Ладно, обрежу аккуратно и наклею поверх той. Устраивает тебя? Без картона в бумажнике помнется, а картона такого мне сейчас уже не купить. Отдирать тоже будет неаккуратно. И закроешь ты мне ее, как оно и в жизни случилось.

Они купили в писчебумажном магазине клею. Тут же на столике он закапал клеем Аллино лицо и осторожно залепил его Ритиным.

— А теперь надпиши сверху,— сказал он.— «Моему мужу».

Она аккуратно надписала на картоне под фотографией: «Моему мужу Кириллу от его жены Риты». Поставила число. Потом сказала:

— Вот теперь мы как будто с тобой обручились. Слушай, мы с тобой не договорились, что ты мне привезешь. Кофточек этих не надо — у меня их и так навалом. Ты привези мне такую сковородку, на которой без масла жарить можно. Чтоб не толстеть.

Кирилл стал смеяться. Рита смотрела на него растерянно — она не понимала, что его так веселит. Потом сказала:

— Сейчас даже у кого хорошая фигура, не смотрятся, если полные.

— Я не потому смеюсь,— сказал Кирилл, успокоившись.— Я просто думаю, как со сковородкой по Европам буду ездить.

— Я тут пока на мебель запишусь,— сказала Рита.

Поезд на Брест отходил в 19.20. Они приехали на Белорусский вокзал в половине седьмого — перед этим они пообедали в ресторане «Пекин». Десятка два будущих спутников Кирилла — мужчин и женщин — с провожатыми группировались вокруг толстого очкастого старосты. Кирилл подвел к нему Риту:

— Моя невеста.

Тот оглядел ее одобрительно и сказал:

— Не боитесь оставлять на целых десять дней?

И засмеялся. Рита была шокирована такой несерьезностью. Она сухо сказала:

— Некоторые мужчины думают, что над всем можно шутить.

И отвернулась. Староста опешил, а Кирилл рассердился:

— Рита, ты что — шуток не понимаешь?

Староста сказал:

— Нет, я, конечно, неудачно пошутил, приношу свои извинения.

Рита милостиво кивнула головой.

— Только я... Вы как-то сразу отшибли мне память. Ведь вы Жуков, Кирилл... Андреевич, кажется?

— Я,— сказал Кирилл.

— Вас просили зайти к начальнику вокзала. Что-то с паспортом вашим... Кажется, забыли дату рождения проставить, год есть, а месяца и числа нету.

Рита посмотрела на Кирилла, и ей показалось, что у него что-то сделалось с лицом. Он как-то механически кивнул, словно думал о другом. Потом он отдал Рите свой чемоданчик, который они успели взять из камеры хранения:

— Постереги!

И пошел в сторону кабинета начальника. Но

Окончание. См. «Огонек» №№ 40—47.

с полдороги вернулся, вытащил из бумажника Ритину фотографию и сказал:

— Вот, покажи нашему старосте, какой подарок ты мне сделала перед отъездом!

И пошел. Рита, желая загладить свою недавнюю резкость, ласково сказала:

— Посмотрите, правда, я здесь ничего получилась?

Староста взял фотографию, посмотрел, одобрил. В это время кто-то тронул Риту за локоть. Она обернулась. Высокий молодой человек стоял у нее за спиной:

— Кирилл Андреевич просил принести его вещи в кабинет начальника вокзала.

Рита с недоумением посмотрела на молодого человека, потом на старосту. Тот, похоже, был озадачен. Наконец он сказал:

— Я вам помогу.

— Да зачем,— сказала Рита.— Я и сама донесу, чемодан-то не тяжелый.

— Фотографию свою не забудьте,— напомнил молодой человек. Он не стал отнимать у Риты чемодан, кивнул старосте, взял у него фотографию, мельком взглянул и спросил:

— Вы давно поженились?

— Мы еще не расписаны,— сказала Рита.

Она хотела добавить, что они распишутся сразу, как только Кирилл вернется, но промолчала. Почему-то ей стало неуютно, и она почувствовала себя одинокой на многолюдном вокзале, рядом с этим вежливым молодым человеком, который на нее не смотрел.

У дверей кабинета начальника он остановился и сказал Рите:

— Вы зайдите!

Рите показалось — голос его сорвался нетерпеливо. Она чуть повела плечом и открыла дверь.

Слева от двери был большой письменный стол; по одну его сторону сидел кто-то незнакомый, по другую — Кирилл, который сразу обернулся к двери. Он смотрел не на нее, он, щурясь, смотрел поверх ее головы. Рита обернулась и увидела, что молодой человек, сопровождавший ее, держит ее фотографию в поднятой руке.

Рите хотелось окликнуть Кирилла, спросить его, отчего его позвали, но она не могла этого сделать, потому что тут происходило что-то важное, непонятное, но очень важное, раз у Кирилла такое застывшее лицо, а у других — тут она увидела, что в кабинете находилось еще несколько мужчин,— лица странно оживленные и как будто нетерпеливые, словно все они ждут того, что сейчас начнется. Будто все это — и кабинет этот, и все люди, и Кирилл, и она, и ее фотография, которую так торжественно держит молодой человек,— еще не начало, а вот сейчас, когда все собрались, будет начало.

И только на одном лице не было этого нетерпения. Пожилой такой дяденька, а лицо круглое, как у маленького мальчика, и глаза круглые и обращены на Риту, и в них — сочувствие и понимание. Все были обращены к этому человеку — даже тот, кто сидел на главном месте, за столом, а он смотрел на Риту и, видно, знал, что будет сейчас что-то для нее очень плохое, а что же может быть такое плохое для нее — только Кирилл, но на Кирилла смотреть страшно, лучше она будет на этого круглого, а он от всех дел отрывается, ему что-то тихо говорят, а он отрывается, поддерживает ее взглядом, хороший, самостоятельный человек. И не встает, и не ходит, и за столом сидит кто-то другой, а понятно, что он тут если не самый главный, то все равно очень важный... И он кивнул головой, и тогда тот за столом спросил Кирилла: «Разрешаете? Я осторожно, не попорчу».— И Кирилл хмыкнул,— мол, чего уж спрашивать, и тот человек за столом каким-то тоненьким длинным ножичком стал осторожно отпарывать от картона Ритину фотографию, а потом спросил: «Там еще что-то?» — и Кирилл сказал, что там еще одна фотография для прочности, и тут Рита подумала страшное слово, с самого детства самое страшное слово — про Кирилла, но подумала, что этого, во всяком случае, не может быть, а человек за столом отпорол, наконец, ее фотографию с картона и сказал: «Ну вот, полюбуйтесь». И все вытянули шеи, чтобы посмотреть, а он протягивал этот картон только маленькому круглолицему, но тот только мельком взглянул, и опять на Риту посмотрел, и покачал ей головой,— вот, дескать, как все получается, а мы не виноваты. И Рита тоже вытянула шею, но ничего особенного не увидела, только увидела приклеенную к картону обыкновенную почтовую марку на черном фоне, под прозрачной полиэтиленовой пленочкой. Она посмотрела с недоумением вокруг — отчего все радуются, потому что все чему-то радовались, и тут Кирилл сказал:

— Я ее давно уже купил у жучка одного. В парке Ленина.

Он тоже смотрел прямо на круглолицего, а тот кивнул, вроде бы согласился, потом сказал:

— То, что вы первым делом об этом заявляете, тоже свидетельствует против вас, Жуков. Но теперь этим уже займется прокуратура. Я могу вам порекомендовать только одно: полную откровенность.

Молодой человек, что привел Риту сюда, быстро вышел. А круглолицый посмотрел на того, кто сидел за столом, и тот сказал милиционерам:

— Уведите!

Они подошли к Кириллу, и он встал и только тут посмотрел на Риту, и она охнула, качнулась к нему, и кто-то стал ее удерживать, а другой, наверное, тот самый, круглолицый, сказал: пусть попрощается, и она беспрепятственно обняла Кирилла, но уже это время и не он был под ее руками, все так переменилось, и все смотрят, и он только по спине ее потрепал, и тогда она отпустила его, отступила и спросила:

— Хоть скажи мне... хоть скажи!..

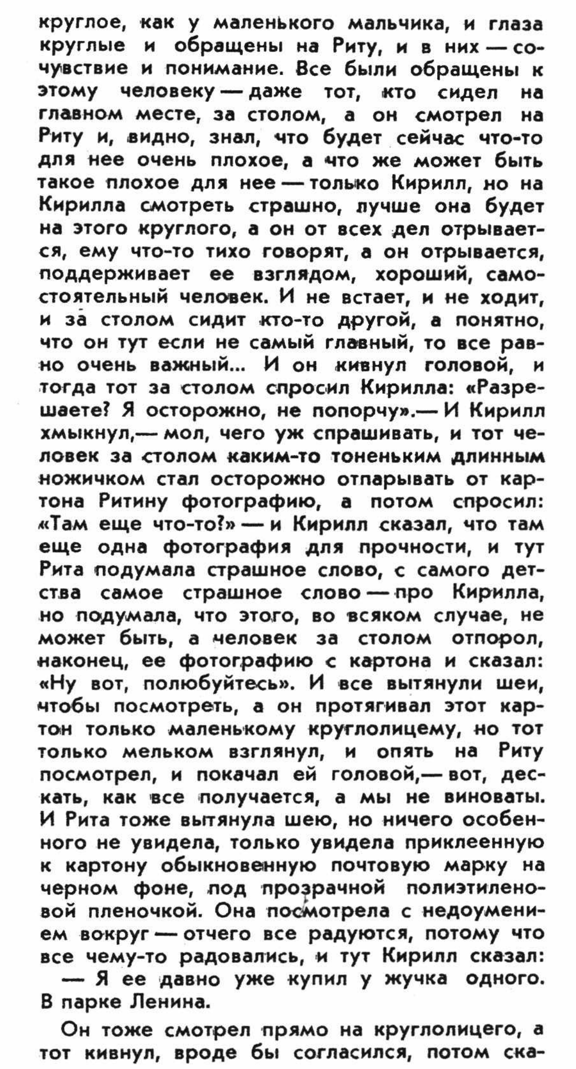
— Марку я хотел провезти,— сказал Кирилл.— Марку. Чтоб тебе на эти деньги шмутки привезти.

— Господи!

Неужели все это — ее страх, и это нетерпение у всех, и оцепенение, и тяжесть воздуха в этой комнате — все было из-за этой ерунды? Но тогда не надо ей переживать, и это страшное слово — зря она его, не ко времени вспомнила, чуть что не вообразила, что Кирилл шпион какой-нибудь, резидент, как в телефильме. И она сказала:

— Ничего, Кирюша, не тушуйся. Я тебя буду ждать.

Она и сама не знала, как сказались эти последние слова.

Всехсвятский рассказывал:

— Он сказал этой... девушке своей, что хотел всё марку за границей продать и ей на эти деньги шмотки привезти. Обещал, что запишется, когда вернется. А между прочим, перед отъездом распродал свои вещи какие поценнее: магнитофон, приемник, инструментарий свой ювелирный. Я и говорю Маргарите Ивановне: «Не думаю я, что он собирался к

вам вернуться. Не думаю, что он вообще собирался вернуться...» Куда там! Не верит. «Он сказал, что с тобой запишемся, ребеночка заведем! Он же ничего еще не сделал. Он же только хотел марку вывезти. Но не вывез. Вы ведь предотвратили!»

— Выходит, она ничего не знала? — спросил Никулин.

— Не знала, конечно. Зачем бы он стал ее в это посвящать? Пособники ему не нужны были. Очень он хитро это все обделал. И подозрение на Костурича направил — осторожненько так, без нажима. Обстоятельный человек. А она ему оч-чень преданна. Говорит, раз уж так сошлось в жизни, то все равно считает себя его женой и будет его ждать и передачи носить будет.

— Это пока она не знает, что он еще и убийца.

— Может быть. Вообще-то она девушка неплохая, в сущности. Все мне кольцо свое показывала. Красивое кольцо с малахитовой розой. Вот, мол, Жуков это кольцо ей сделал. У него такое умение в руках!.. А на самом деле ничего он сам не делал. Только сбывал. А делали другие. У него целая бригада художников была. Иногда даже дома у него работали его инструментом.

— Гень Ванч,— спросил Никулин,— а когда вам стало ясно, что убийца Жуков?

— Когда стало ясно? Когда марку у него увидел, тогда и стало ясно!

XIV

Алла сказала:

— Значит, все-таки я виновата.

— А что вы думаете? — сказал Всехсвятский.— Когда судят преступника, за ним всегда куча виноватых. Виноватых, но неподсудных. Закона против вины нет. И даже частным определением тут не поможешь. Вы смотрите, сколько человек, сами того не зная, подготовили преступление: Яковлев, его сын, вы, Костурич. А перед судом встанет Жуков — сознательный преступник. Который всем воспользовался: трусостью Яковлева-старшего, который не посмел сказать правду сыну, истерическим хулиганством Яковлева-младшего, вашей болтливостью, пьяным дебошем Костурича. И ведь я вижу только одну цель, а не вижу второй, которая биографически вела Жукова к преступлению. Но этим займется уже следователь прокуратуры.

Алла сидела, поникшая, подавленная. Всехсвятскому стало ее жаль.

— А теперь посчитайте, сколько человек стало рядом — сознательно и бессознательно,— чтобы помочь отыскать преступника. Вы, Костурич, Иванчихин...

— А что Иванчихин? При чем тут Иванчихин?

— А он показал на следствии, что Костурич у него дома кричал про какую-то марку. В тот вечер, когда напился и его Жуков домой отвозил. Иванчихин-то на этот разговор не обратил внимания, и жена его не обратила, а Жуков обратил. Он был вообще внимателен к людям, Жуков. И по дороге осторожно расспрашивал и дома расспрашивал. А Костурич на следующий день все забыл.

Алла мерно, будто в такт чему-то, кивала головой.

Всехсвятскому показалось, что она слушает не его, а собственные мысли. Но она вдруг встряхнулась.

— Наверное, наверное, именно тогда это и было! Я не захотела оставаться, убежала домой, а тут он раскричался. А я еще специально потом благодарила Кирилла... Жукова за это. И да, да, с этого самого времени он както замаячил...

— Кто замаячил? Жуков?

— Ну да, он, так настойчиво, и я не очень понимала, что тут, собственно говоря, такое; не похоже, чтобы я его волновала... как женщина. И все-таки меня тревожило любопытство, вроде любопытства. Но почему он не стал бывать у нас дома, например, ведь тогда не надо было бы убивать?

— Я думаю, он не хотел привлекать к себе внимания. Если бы он бывал у вас дома и произошла бы, скажем, кража — похищение этой марки — кстати, ваша мать ее получит непременно после суда,— так вот, если б случилась кража, он механически был бы в числе подозреваемых. А этого он хотел избежать. Он хотел обделать все чисто. Прокурор говорит, что у него философия четкая: раз стукнешь, а потом всю жизнь живешь безбедно и безгрешно. Этакий рыцарь первоначального накопления. Так вот, значит, как я уже сказал вам,— Иванчихин. Потом билетерша в кино. Да, да, в вашем придворном кино, где вы Банниониса смотрели. Она ведь вас в лицо знает и Костурича знает.

— Это такая толстая?

— Ну да, она. Так вот она говорит — всегда ими любовалась, такая пара красивая была. Потом долго их не было, я их порознь встрела, он стал выпивать, дебоширить, к нам в буфет пару раз рвался... Ну, я, говорит, поняла, что они разошлись,— не захотела она терпеть пьяницу. Очень вас за это хвалила. И Жукова она сразу приметила,— такой, говорит, самостоятельный, хорошо одетый, в дубленке.

Алла кивнула.

— И вот она-то мне и сказала самое главное. Видно, говорит, они в кино поссорились. Сперва она ушла, да такая расстроенная, а потом он. Я говорю: как же он, он же до конца фильма досидел, а она после первой серии. Она даже на меня обиделась: как же, говорит, до конца, когда я подумала, что он если очень поторопится, то ее догонит, и они помирятся. Я, говорит, даже с места сошла, не поленилась, в дверь посмотрела. И вижу — он в такси садится. Около самого кино — в такси. Ну, думаю, на машине уж он ее нагонит!

— Значит, он...

— Погодите. Вот тут у меня началась неувязка. У меня какая получалась картина? Он пошел, позвонил, вызвал вашего отца под предлогом разговора о Костуриче, вероятно; ну, тут произошло все это. Но, понимаете, не сходилось во времени. Вы ушли еще до шести, а отцу вашему, по словам Полины Федоровны, звонили примерно в половине седьмого. Зачем он домой поехал на такси, это понятно: скорее всего, за орудием преступления. Вряд ли он его с собой таскал, когда с девушками гулял, правда ведь? Но ведь если он был дома и из дома позвонил, то Никодиму Ефимовичу сразу выходить для встречи с ним не надо было, верно? Из дому он мог Костуричу позвонить, чтобы он на месте преступления показался в нужное время. Вероятно, это было у него давно запланировано. Но вот откуда же он звонил, чтобы Никодима Ефимовича вызвать? Около вашего дома, кроме этого автомата, еще один — в гастрономе. Но туда он не мог пойти — рисковал напороться на костуричевых приятелей, которые его, и правда, могли знать в лицо. Значит, в то же кино вернулся? И тут этот парнишка, Яковлев, рассказывает... Спрашиваю: как одет был тот, кто звонил? Говорит, обыкновенно. Где же дубленка? Дубленки-то у нас все замечают. Едем к Дому быта; выходит Жуков — не в дубленке, а в пальто.

— Он на работу дубленку не носит, она у него выходная.

— Ну, вот. И я тут, как вы выражаетесь, усек, что, значит, он из кино на такси домой смотался, переоделся и, видно, на том же такси вернулся... Ну, таксера найти у нас — пара пустяков. Тут опергруппа поработала. Нашли. Действительно, возил один такого — переоделся и обратно в тот же район, только чуть раньше вышел, не у самого кино. В общем, водевиль с переодеванием. Довольно чистая работа. Очень твердо он все рассчитал. Стал неприметным, пошел и Никодиму Ефимовичу позвонил. Тут его как раз этот мальчишка Яковлев и засек. В общем, все сошлось. Остальное он уже сам делал. Марку он почти что по собственной инициативе нам вручил — это когда его позвали в кабинет начальника вокзала, а он вдруг вернулся и фотографию своей девушке отдал. Да это я вам уже рассказывал. Да, а знаете, что под этой фотографией была еще другая, ваша?

Алла усмехнулась.

— Я ему когда-то давала увеличить, у него был фотограф — частник, очень здорово делал портреты. Забыла даже, зачем мне понадобилось. Кажется, на доску почета. Давно это было. Там я еще до Лодьки снята.

— У него были фотографы, были жучки, были мальчики, которые для него ему камни резали.

— Геологи?

— Какие геологи? Художники! Ездили в Старый Петергоф и там резали. Есть теперь такой промысел. Новое месторождение — Старый Петергоф. После войны. От взрывов, от высоких температур здесь сплавились все эти малахиты или как их там зовут. И нынче ходят художники, рубят себе камешки. Жуков-то сам не рубил — это мальчики делали. А потом уже делали продажные вещи по его указаниям, иногда хорошие, а больше — на рыночный, непритязательный вкус. Перстенечки, кулончики.

— Серьги! — сказала Алла и подняла руки к ушам. — Вот эти самые! Я у него купила. Их Коля Докторов делал, он их при мне принес. Но ведь он и сам мог, он мне говорил... У него даже инструменты были, станочек, чтобы камень шлифовать...

— На этом станочке он сам когда-нибудь при вас работал? Нет? То-то. Его это не заботило. Он зарабатывал, и немало зарабатывал. А потом, вероятно, появилась мысль о желтом металле да о настоящих камушках. Может, что у него и было даже, но вряд ли много. И вдруг вот этот разговор про марку. Крошечный кусочек бумаги, а столько денег. Тут он начал свою туристскую поездку готовить. Я думаю, что он не один план отверг, прежде чем...

— Прежде чем я ему рассказала про эти телефонные звонки. Понимаете, он мне казался таким практическим человеком, как никто. Я ведь тоже не думала, что это серьезно — эти звонки, я просто хотела от них избавиться.

— Ладно, не мучьте себя. Все равно он уже готов был убить, только ему надо было подозрение направить на Костурича. Его просто случай подтолкнул,— он ведь не мог думать, что вы не досидите в кино до конца. И тут он ускорил исполнение плана. Съездил домой, переоделся, позвонил Костуричу, захватил инструмент убийства. Видимо, чулок с песком. Успокойтесь, Алла Никодимовна, не нужно.

Алла плакала.

— Маму жалко безумно. Я ей все рассказала. Вы ей позвоните!

— Уже звонил. Она мне сказала: ну, хорошо, нашли. Но Никодима Ефимовича ведь это мне не вернет!.. Вы с ней побольше Лодика оставляйте! Кстати, завтра Костурича выпускают, вы знаете?

— Знаю,— всхлипнула Алла.— Вы что, советуете мне?

— Ничего я вам не советую, не мое это дело. Вы сами все должны решить. Но лучше, если вы ему обо всем расскажете. Он ведь еще ничего не знает.

— Если бы он согласился лечиться...

— Может, согласится?

— Он хороший человек. Но слабый. И гены... Мама всегда говорит, гены...

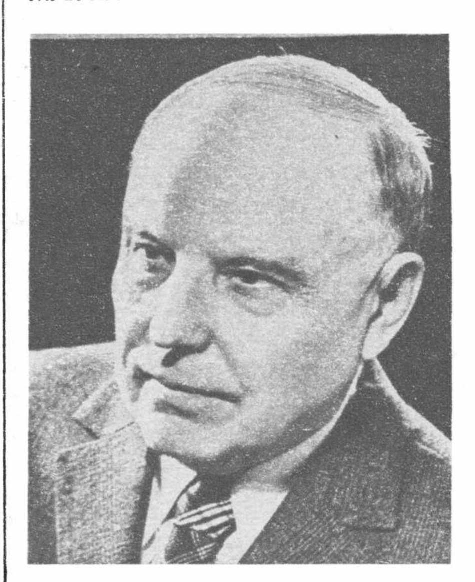
— Гены, гены... Когда Жуков задумал его подвести, он сыграл не на чем-нибудь, он на благородстве его сыграл. И чуть не выиграл. А вы говорите — гены. Там разное заложено.

— Трудно как все! — сказала Алла. — Почему все так трудно? Даже любовь — трудно!

— Вот тебе на! — вздохнул Всехсвятский. — У женщины любовь, а она жалуется!

Редакция журнала «Огонек» благодарит посольство МНР в Советском Союзе, агентство «МОНЦАМЭ», редакцию журнала «Монголия», а также всех товарищей, которые принимали участие в работе над этим номером.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Б. ХРАПЧЕНКО

СЛУЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЕ И НАРОДУ

Михаил Борисович Храпченко принадлежит к тому поколению ученых, которые обязаны своим рождением Великому Октябрю.

Думал ли тогда подросток, сын смоленского крестьянина, что вскоре перед ним откроются двери государственного университета, а затем он сам станет академиком литературы! М. Б. Храпченко шел «в гору» стремительно быстро. В двадцать восемь лет он уже профессор Института красной профессуры, в тридцать пять — председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР. А затем полная отдача науке — и появляются фундаментальные труды М. Б. Храпченко по кардинальным вопросам художественного творчества, развития литературы, культуры, искусства, которые теперь получили широкую известность и признание.

Выдающимся вкладом явилась книга М. Б. Храпченко «Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы», удостоенная Ленинской премии.

Новаторские достижения отдельных художников представлены в книге М. Б. Храпченко не в изоляции от общего развития литературы и искусства, а в русле отдельных, сменяющих друг друга типов художественного творчества, что положительно сказалось на объяснении причин неравномерного развития искусства, на теоретическом обосновании вопроса о соотношении общего и индивидуального в литературном процессе, о критериях прогресса в искусстве.

Так, социалистический реализм в понимании М. Б. Храпченко не есть результат одних только качественных изменений внутри искусства, но больше всего и по преимуществу — следствие огромных социальных сдвигов, коренных общественных преобразований. Отсюда основные принципы социалистического реализма — верность жизненной правде, партийность, народность — предстают как отражение объективной реальности, исторической необходимости.

Характеризуя социалистический реализм как порождение исторической действительности, М. Б. Храпченко выступает против какой бы то ни было нормативности его принципов, за расширение его границ, его влияния на другие литературы мира. Справедливо подчеркивается им непримиримость социалистического реализма к тому обесчеловечению личности, которое является главной темой современной буржуазной литературы. Именно здесь, по мысли ученого, пролегает один из главных рубежей, разделяющих современную реалистическую литературу, социалистическую эстетику и модернистско-декадентские течения в искусстве, эстетику формалистическую и интуитивистскую...

Свое семидесятилетие Михаил Борисович встречает в расцвете творческих сил. В планах на будущее — исследование исторических судеб русской и мировой литературы, путей ее развития в век научно-технической революции.

— Лучшая книга еще впереди,— сказал он в недавней нашей беседе.— Но в конечном счете труд наш измеряется не томами исследований, не числом защищенных диссертаций, а теми огромными завоеваниями в духовном развитии общества, которые делают советского человека поистине могучим и великим. Ощущение вот этой причастности к нашему общему делу — воспитанию человека коммунистического общества — для меня высшая награда. В служении ему я вижу весь смысл своей жизни.

М. РУКАВИЦЫН

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. И. МАШИНСКОГО

МНОГОГРАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Труды известного советского ученого литературоведа и критика Семена Иосифовича Машинского давно завоевали прочный авторитет не только среди специалистов-филологов: они входят в круг чтения всех, кто любит литературу и хочет глубже и лучше знать ее историю, достижения и тенденции ее современного развития.

Своими исследованиями жизни и творчества С. Т. Аксакова он, как верно сказал Виктор Шкловский, «открыл нам нового Аксакова», показал этого интереснейшего писателя в широчайших связях со всем литературным процессом его времени. А статьями и рецензиями о новых произведениях Олеся Гончара С. Машинский чутко отмечал (и нередко первым из критиков, пишущих на русском языке) движение таланта, обогащение тематики и образного мира выдающегося советского украинского прозаика. Прошлое не уводит литературоведа, профессора, доктора филологии С. И. Машинского от современности, а современность не заслоняет от критика Семена Машинского историю литературы. Его перу принадлежит целая библиотека книг о творчестве великого Гоголя: «Историческая повесть Гоголя» (1940), «Гоголь» (1951), «Гоголь и революционные демократы» (1953), «Гоголь и «дело о вольнодумстве» (1959), «Художественный мир Гоголя» (1971) и другие. Но он же является автором статей о творчестве Шолохова, Макаренко, Федина, Сергея Городецкого и многих рецензий на книги писателей и критиков, участвующих в текущем литературном процессе.

Работы С. Машинского отмечены новизной и самостоятельностью подхода к исследуемым явлениям и произведениям. Его книга «Историческая повесть Гоголя» явилась первым в советском литературоведении обстоятельным исследованием повести «Тарас Бульба» как явления историко-героического эпоса. «Дело о вольнодумстве» и его роль в творческой биографии Гоголя С. Машинский исследовал и раскрыл полнее и глубже своих предшественников: он разыскал считавшийся бесследно исчезнувшим «чемодан Адеркаса» со следственными материалами по этому делу и ввел их в научный оборот.

Видное место занимают работы Машинского о великих русских критиках Белинском и Чернышевском, эстетических заветах Льва Толстого, составившие вместе со статьями из истории советской литературной науки книгу «Наследие и наследники» (1967).

Свое шестидесятилетие С. И. Машинский встречает новой книгой статей «Слово и образ», участием в воспитании молодых писателей и критиков в Литературном институте имени М. Горького, где он руководит кафедрой русской классической литературы, энергичной работой в совете по критике при правлении Союза писателей СССР: он первый заместитель председателя совета. И хочется пожелать Семену Иосифовичу новых успехов в этой его многогранной и плодотворной деятельности.

М. ПАРХОМЕНКО,
доктор филологических наук

ГАСТРОЛИ

НОВЫЙ ТЕАТР ФРАНЦИИ

Приезжавший к нам из Лиона французский театр Компани дю Котурн относится к новым театральным коллективам; он поставил перед собой великолепную цель— играть для народа, быть ему понятным и близким. Возглавляет его талантливый и интересный человек Марсель Марешаль, совмещающий в одном лице актера и режиссера. Театр молод и ищет свой путь — ищет его, будучи уверенным в своих силах. И это имеет основание, ибо артистизм и мастерство — характерные признаки его постановок. Когда я думаю о спектакле «Фракасс» (это инсценировка романа Теофиля Готье), то сравниваю эту работу театра с настоящей поэзией.

Спектакль как будто рожден под счастливой звездой вдохновения; в нем все созвучно — актерская игра, угаданный режиссером стиль Теофиля Готье, превосходный музыкальный фон и бурная динамичность действия. Поэзия спектакля не оторвана от земли, она несет гуманные, жизненные идеи; это поэзия реальности. Да, романтик Теофиль Готье верил в беспредельность возможностей человека, он любил в человеке то, что делает его чище и благороднее, возвышая над утилитарными потребностями существования.

Условия, в которых находятся герои спектакля,— политический хаос Франции, борьба за трон, разрывающая страну. Фракассу, в прошлом Сигоньяку, предстоит путь разочарования в своей сословной традиции — верности королю. Готье как бы ненароком заставляет обедневшего барона принять кличку комедианта. Но в этой ненарочности есть символ. Бывший барон уходит вместе с театральной труппой от чинов и положений, которыми его жалует король. Какая энергия, какой мощный порыв к жизни сосредоточены в этом сценическом образе, который создает Жан-Клод Друо! Но самая соль спектакля — это образ Театрального Профессора, или, проще, директора бродячей труппы. Его играет Марсель Марешаль, пользуясь мягкими и тонкими красками иронии и романтики, шутки и драматизма. Марешаль — Профессор знает все то, что Фракассу только предстоит узнать. Но мудрый Театральный Профессор не отказывается идти вместе с упрямым Фракассом, помогать ему и даже попадать в беду вместе с ним.

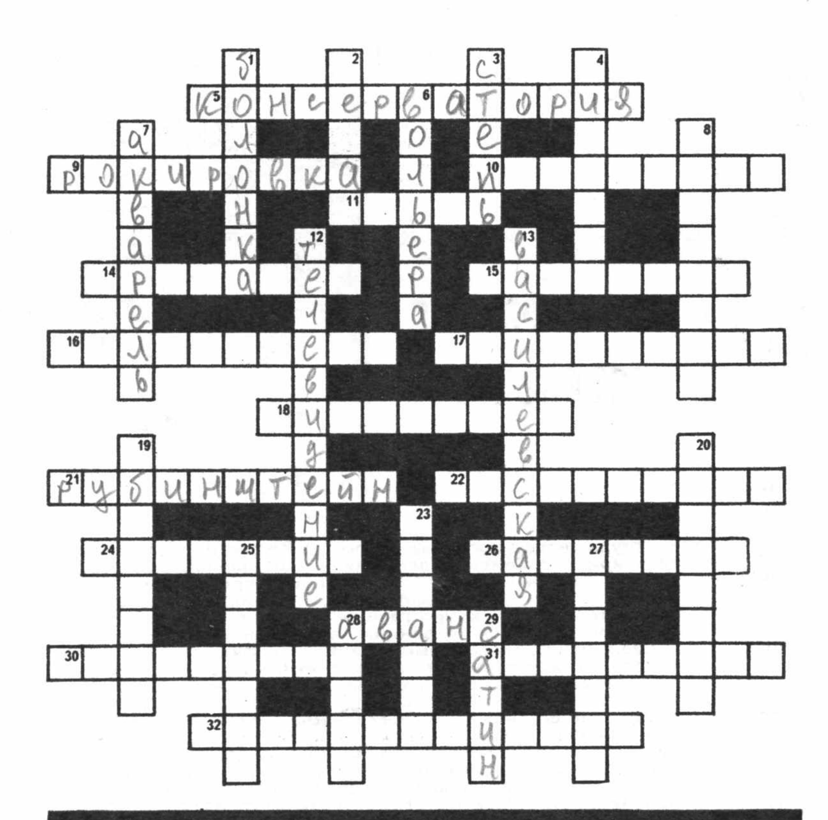
В этом ансамбле очень разнообразны актерские дарования. Яркость романтической иронии есть в фигуре Герцога де Валломбреза (Рауль Биэрей) и Брата Короля (Жан-Жак Лагард), а рядом — искренний лиризм облика девушки Изабель (Эдит Гарнье). Подчеркнута театральная игра в фигуре Скапена (Бернар Балле), а рядом с ним Жюстин (Жаннин Берден) проста и непосредственна. Контрастны смены настроений спектакля: от насмешки до гнева, от фантастики сцен сновидений Фракасса до сугубой реальности эпизода Жакерии с гибелью ее вожаков.

Разумеется, пьесы переведены, и зритель слушает перевод по радио. Но в театре есть многое, что нельзя перевести: таков язык актерской игры — если он непонятен, переводчик бессилен. Здесь актерское исполнение реалистично и правдиво, благодаря этому мы понимаем гораздо больше, чем дает просто текст.

Но мы не можем это наблюдение отнести к спектаклю «Одинокий рыцарь» Жака Одиберти — второй работе, которую показали талантливые лионцы. Философское содержание драмы Жака Одиберти ограничено скепсисом автора; его размышления не претендуют на историзм. Они сугубо субъективны, да и крестовый поход в пьесе — всего лишь бутафорская игра. Позволим себе заметить, что в пьесе и в ее постановке есть много умозрительного и в то же время немало грубо-натуралистических сцен. И лишь третья часть спектакля, в которой идет мистерия казни Человека (его очень хорошо играет Пьер Табар), поднимает те проблемы, которые трогают и волнуют. Очевидно, постановка этой поэмы Одиберти несет следы поисков, и они не окончены. Слова Профессора театра возникают в памяти сами собой: «Играть для народа— это не так-то легко».

...И все же вера в талант и чуткость Профессора и его труппы побеждает.

Нина ВЕЛЕХОВА

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Высшее учебное заведение. 9. Шахматный ход. 10. Ближайшая к Солнцу точка орбиты планеты. 11. Сплав железа с углеродом. 14. Образец, шаблон. 15. Регулятор в часовом механизме, заменяющий маятник. 16. Прибор для измерения цвета. 17. Отрасль лингвистики, изучающая происхождение слов. 18. Сатирический журнал, издававшийся Н. И. Новиковым. 21. Автор оперы «Демон». 22. Курорт на берегу Финского залива. 24. Русский поэт. 26. Декоративное вечнозеленое растение. 28. Деньги, выдаваемые под отчет. 30. Древнегреческий комедиограф. 31. Литовский скульптор. 32. Раздел математики.

По вертикали: 1. Порода собак. 2. Созвездие северного полушария неба. 3. Безлесное пространство. 4. Рассказ М. Горького. 6. Помещение для содержания подопытных животных. 7. Краски, разводимые водой. 8. Птица. 12. Передача изображения на расстояние. 13. Автор трилогии «Песнь над водами». 19. Оптическая система из нескольких линз. 20. Явления резкого возрастания амплитуды колебаний. 23. Роман Флобера. 25. Государство в Пиренеях. 27. Вулкан в Европе. 28. Отрицательно заряженный ион. 29. Хлопчатобумажная ткань.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали: 6. Венецианов. 8. Арабика. 9. Обочина. 11. Риал. 13. Теорема. 15. Акробат. 17. Карбас. 19. Деепричастие. 22. Лариса. 25. Бородка. 27. Пандури. 28. Заяц. 29. Диорама. 30. Имандра. 31. «Декабристы».

По вертикали: 1. Дрезина. 2. Громова. 3. Цесарка. 4. Таволга. 5. Сюрприз. 7. Кондома. 10. Лермонтов. 12. Зальцбург. 14. Материк. 16. «Калинка». 17. Купол. 18. Сосна. 20. Плотина. 21. Водород. 23. «Арзамас». 24. Сицилия. 26. «Анафема». 27. Плантаж.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Площадь Сухэ-Батора — сердце монгольской столицы.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ж. Сухботор, бронзовый призер чемпионата МНР, со своими учениками.
Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

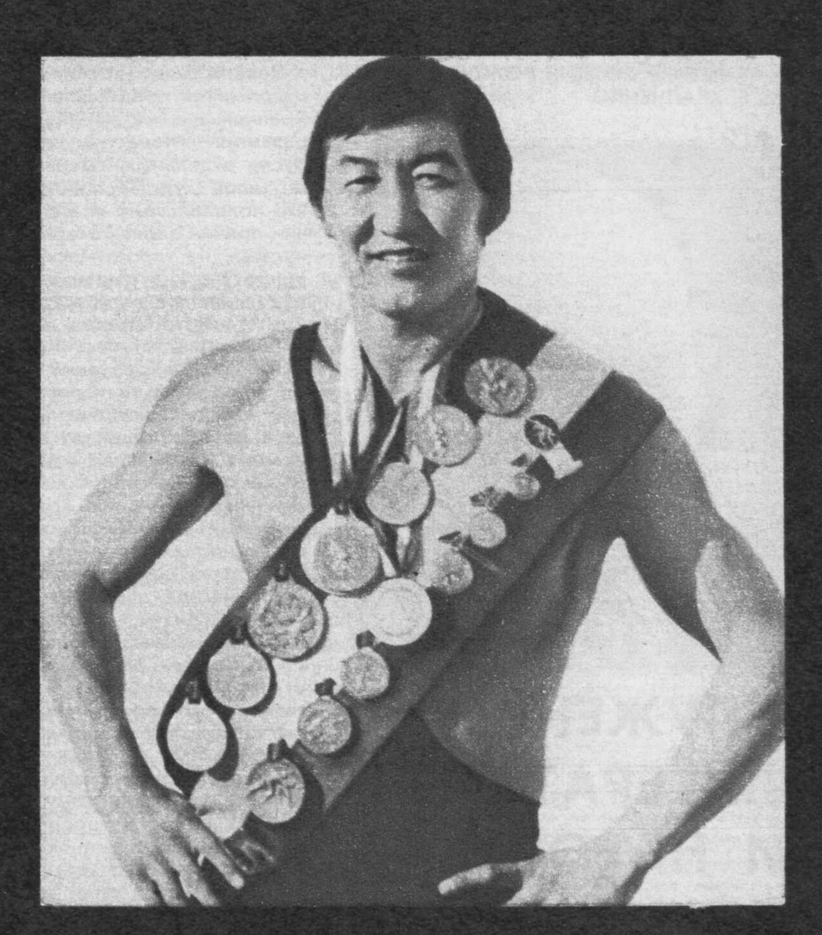
Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление И. К. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 4/XI — 1974 г. А 00668. Подписано к печ. 19/XI — 1974 г. Формат 70×108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2685. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2967.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

НА КОВРЕ ИСПОЛИНЫ

Мы любим борьбу, как в Советском Союзе любят футбол.

Ежегодно летом во время монгольского национального праздника «Надом» на Центральном стадионе Улан-Батора собираются тысячи любителей спорта, чтобы посмотреть схватки лучших борцов страны. «Надом» включает в себя три вида традиционных состязаний: скачки, стрельбу из лука и, конечно, борьбу, то есть все «три игры мужей». Однако многие болельщики отдают предпочтение борьбе.

Пара за парой выходят на зеленый ковер стадиона атлеты. Спортсменам надо проявить много ловкости, упорства и выдержки, чтобы противостоять своим не менее ловким и упорным соперникам. Состязания проходят в несколько туров. Места побежденных занимают новые борцы, пока не остаются только сильнейшие. Начиная с пятого тура победителям присваиваются звания «Сокола», «Слона», «Льва». Высшее звание — «Исполин» — получает неоднократный победитель «Надома».

Борцы Монголии не раз завоевывали призовые места на Олимпийских играх и чемпионатах мира в Мехико, Мюнхене, Дели и Тегеране. Серебряных медалей в чемпионате по вольной борьбе были удостоены заслуженные мастера спорта МНР Ж. Мунхбат, Х. Баянмунх и другие. А в августе нынешнего года чемпионом мира по вольной борьбе впервые стал монгольский борец З. Ойдов.

Молодой спортсмен приехал из Улан-Батора в Стамбул, чтобы помериться силами с лучшими атлетами мира. В последнем, шестом туре ему достался серьезный соперник — турецкий борец Ахда. Но схватка длилась всего полторы минуты! Судьи зафиксировали чистую победу З. Ойдова.

Первая золотая медаль мирового чемпионата по вольной борьбе привезена на землю Монголии в канун золотого юбилея республики.

М. ЧОЙЖИЛ,
корреспондент агентства «МОНЦАМЭ» в Москве
Фото А. БОЧИНИНА.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663